

Роман Булгар

Обрученные судьбой

Великий Разлом

Книга первая

Роман Булгар

**Обрученные судьбой. Книга
первая. Великий развал**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Обрученные судьбой. Книга первая. Великий развал / Р. Булгар —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831372-1

Продолжение истории главных героев трилогии «Офицеры». Они своими глазами увидели, как развалили их огромную страну. По воле правителей они оказались по разные стороны границ. Книга о том, как жили люди в то время, когда всем правил Великий Развал, когда они все по воле судьбы оказались на жизненном Переломе. Армии, в которой служили советские офицеры, более не существовало. Не стало страны, которой они все присягали. И отыщет ли наш герой свое место в новых реалиях их быстро меняющейся жизни...

ISBN 978-5-44-831372-1

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	12
3	21
4	30
5	39
Глава вторая	41
1	41
2	55
3	67
4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Обрученные судьбой

Книга первая. Великий развал

Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

ISBN 978-5-4483-1372-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Народная мудрость гласит: чтоб стать женой генерала, надо выходить замуж за лейтенанта и помотаться вместе с ним по всем дальним гарнизонам. Они стали мужем и женой, когда он учился на втором курсе военного училища.

Когда ей присвоили очередное звание «капитан милиции», ее супруг все еще носил лейтенантские погоны. Блестящей карьерой похвастать он не мог...

Книга о том, как жили люди в то время, когда всем правил Великий Развал, когда они все по воле судьбы оказались на жизненном Переломе. Трудно пришлось тем, кому довелось жить в эпоху революционных перемен.

Нелегко было им отыскать смысл их существования, утерянный в хаосе всеобщего умопомрачения. Жернова времени перемололи тысячи судеб.

Продолжение истории главных героев трилогии «Офицеры». Им «повезло». Они своими глазами увидели, как развалили их огромную страну. По воле правителей они оказались по разные стороны границ.

Их семью по живому раскроили безжалостные ножницы судьбы. Муж уехал служить в Россию, а жена с дочкой осталась жить на Украине...

Армии, в которой служили советские офицеры, более не существовало. Не стало страны, которой они все присягали. И отыщет ли наш герой свое место в новых реалиях их быстро меняющейся жизни...

И война на Кавказе, кровавая, жестокая, непонятная и бессмысленная...

Глава первая

Бой у высоты 1147

1

Робко крадущиеся солнечные посланники неслышно опускались на многострадальную землю, растворяли туманную пелену, отесняя хмарь к нависающим с трех сторон горам, разгоняя ее по оврагам и ущельям.

Промозглая ватно-водянистая субстанция, подталкиваемая ветром, не удержалась. Она свалилась в обрыв со скалистого выступа, обнажила высокую каменную стенку из красного облицовочного кирпича.

Пробуждающие лучи осветили двор, мощный отесанным камнем. Тоненькая полоска света сквозь маленькое отверстие проникла в яму, глубокую и узкую, тесноватую для двух пленников.

Девушка-подросток зябко жалась к худенькому пацану-оборвышу, старалась согреться тепловатой близостью его изможденного тела.

– Господи! – не открывая глаз, глухо простонала она. – Когда же это мученье кончится! Нет моих сил терпеть далее эту муку! Господи, услышь ты меня! Забери меня к себе, несчастную сиротку!

Выглянувшее светило пробудило, растормошило петушка. Кочеток, расправив крылья, зябкой дрожью поспешно захлопал ими. Вымученно вытянул он шею, спросонья хрипловато прокукарекал.

– Иуда! – пацан озлобленно погрозил петуху. – Не спеши! Не буди!

В крытом загончике зашевелились тощие овцы, протяжно заблеяли. Утыкаясь мордой в опустевшую кормушку, обиженно замычал теленок. Сгоняемые с насеста куры, беспричинно ссорясь, закудахтали.

Здоровенные псы-волкодавы приподняли морды, потянули цепи. Натягивая привязь, они угрожающе скалились. С желтоватых клыков капала изголодавшаяся пена. Бешеные зрачки наливались кровью.

– Сейчас начнется... – вздохнула девчушка.

Скрипнула металлическая дверь. На крыльце показался угрюмый бородач с неизменной больно жалящей плеткой в руке, выпрямился во весь свой немалый рост, потянулся, закурил. Сделав несколько затяжек, приволакивая левую ногу, горец проковылял к зиндану. Поковылявшись ключом и отомкнув запор, он откинул в сторону тяжеленную крышку.

– Щенок, вылазь! – крикнул хозяин и опустил вниз лестницу.

Не дожидаясь повторной команды, мальчонка вскочил, проворно полез наверх, выбрался, согнулся в спине, послушно опустил голову. Привычными движениями бородач нацепил металлические браслеты на худые детские лодыжки, короткой цепью сковал мальчишечьи ноги.

– Овечка пошла, гони! – приказал Аслан.

Схватив хворостинку, пацан засеменял к загону, отворил дощатую дверку. Непрерывно блеющее стадо, толкаясь и суетясь, вытекало из узкой щели. Бесформенной массой оно побрело по каменистой тропке.

– Охранять! – Аслан пустил черного пса вслед за пастушком.

Огромный волкодав мягко переступал лапами по камням, играя, касался босых ступней шагающего перед ним мальчугана. Тот ускорял свой шаркающий ход, пугливо озирался назад. Наука даром не прошла.

Когда Юрко однажды попытался дать деру, зверюга подкралась к нему со спины и, поднявшись на задних лапах во весь рост, передними придавила его плечики к земле. Большая псина подмяла беглеца под себя, потянулась раскрытой пастью к его горлу, царапнула до крови.

С того самого раза мальчонка больше не пытался бежать. И не будь рядом с ним неотлучного мохнатого сторожа, его затея все едино ни к чему бы хорошему не привела. Мешала цепь, якорем виснувшая на его ногах. От постоянного хождения босиком мальчишеские ступни шибко изранились об острые камушки. Они тупо саднили и кровенились.

Как только отара покинула двор, бородач снова наклонился к яме и отрывисто прокричал-пролаял:

– Эй, ты, дивана, вылазь!

Из темнеющего лаза показалась всколоченная девчоночья головка с давно немытыми, нечесаными волосами неопрятно грязно-серого цвета. В широко раскрытых глазенках плескался неприкрытый страх.

– Шевелись! – подстегнул пленницу резкий окрик.

Солнечные лучи насквозь просветили рубаху, длинную, до самых пят, сильно истонченную временем. От похотливого мужского глаза не укрылись юные грудки и остро выпирающий живот, который девчушка поддерживала своей правой ручонкой, когда она выбиралась наверх.

– У, полоумная дивана! – выругался бородач, со злостью хлестнул по девичьей спине. – Шайтан-девка!

На протяжный жалобный крик на крыльцо выскочила изможденная женщина со следами анемии на вытянутом болезненно бледном лице.

– Аслан! Не бей девку по животу! Не навреди ребенку!

Опуская руку, мужчина поморщился, отступил от жертвы:

– Забери ее, Марьям! Отмой!

Ему в голову пришла шальная мысль. Обнаженные проказливыми лучами девчоночьи груди взбудоражили его кровь, пробудили тянущее вожделение. Взмокла и до зуда зачесалась напрягшаяся спина.

Торопливыми шажками Марьям потянула перепуганную бедняжку за собой к душе – двухсотлитровой бочке, установленной на высоком помосте, с трех сторон огороженном прохудившимся во многих местах рубероидом. Затолкнув девчушку на деревянную решетку, женщина сама потянула рубашонку вверх, помогая Анюте разоблачиться.

– Ты потерпи, потерпи! – жалостливо приговаривала Марьям.

Видать, за все ее многочисленные грехи всемилостивый Аллах не дал ей собственных детей. И женщина надеялась, что дитя, рожденное пленницей, заменит ей то, чего ее лишили Небеса, не дав потомства.

– Будь с ним ласкова... – наставляла она Анюту.

Под прохладными струями девчушка вся поеживалась, послушно подставлялась под ласковые женские руки. От невыносимой дикости происходящего с нею и вокруг нее Анюте хотелось во весь свой голос завопить. Но она давила в себе крик отчаяния и безысходности.

Не дождавшись, мужчина рывком выдернул пленницу из-под душа и поволок за собой. Затащив девчушку в овечий загон, он принудил ее встать на четвереньки. От резко ворвавшейся, вспыхнувшей жгучим огнем боли Анюта не выдержала, исторгла из себя жалующийся вопль.

Леденящий душу крик перескочил через высокий кирпичный забор, постучался в жалкую лачужку из плохо подогнанного камня и щелястых досок. Звук просочился сквозь неплотно примыкающую дверь, прополз в щели, отражаясь от голых стен, набатом забился по всей комнатухе.

Молодая женщина вздрогнула, болезненно передернула плечиками. Накинув на голову платок, она закутала шею и выбежала на улицу. От ее резкого толчка жалобно взвизгнула низкая калитка.

– Марьям, откройте! – настойчивым кулачком Замира застучала по высокой металлической двери. – Аслан!

Свирепые псы заливались оглушительным лаем, натягивали цепи. Кобели рвались, вставали на задние лапы, опускаясь, скребли острыми когтями землю, роняя с клыков злобную пену, грызли железо.

– Аслан!

– Чего тебе? – послышался враждебно настроенный мужской голос.

Чуть приоткрылась железная дверь. В проеме показались угрюмые глаза хозяина. Мужчина стоял, широко расставив ноги. Он всем своим видом давал знать, что никого не пустит в собственный дом-крепость и никому не позволит вмешиваться в то, что творится у него во дворе.

– Ты убьешь ее! Ты же обещал ее мне!

Одной рукой горец приоткрыл дверцу ровно настолько, чтоб второй ручищей втащить бабу, верещащую на всю улицу, к себе во двор.

– Я тебе слово дал. Я его сдержу. Десять тысяч долларов – она твоя. За ублюдка ее мы с тобой не договаривались. Аллах тому свидетель.

По каменному крыльцу, торопясь, застучали женские каблучки. На их разговор спешила Марьям. Она взволнованно и прерывисто дышала:

– Девка понесла от тебя! Я воспитаю ее ребенка, как своего!

Отстраняя жену в сторону, мужчина рассмеялся ей прямо в лицо:

– Опростается дивана, скормлю ее детеныша псам.

Протяжно заголосив, Марьям присела, бочком завалилась на землю, уткнулась лицом в раскрытые ладонки. Она знала, что слова ее мужа – не пустые угрозы. Именно так Аслан поступил с предшественницей их несчастной пленницы. Бедная девушка не перенесла обрушившегося на нее горя, повредила в рассудке, начала заговариваться. Через неделю бедняжка наложила на себя руки, порезала себе вены осколком стекла.

– Я заплачу тебе больше! – соседка нервно сжала свои кулачки.

– Пять тысяч сверху, Замира, и я пальцем ее не трону...

Вытолкнув молодую женщину со двора, Аслан вышел на улицу, запер калитку снаружи. Постояв минутку в раздумье, он пошел вверх по кривой улочке, упорно взбиравшейся по осыпающейся круче.

С той стороны горы, в соседнем селении, раскинувшемся на ровном пяточке, у него имелся еще один и, причем, не самый последний дом.

В нем жила его третья по счету жена, ладная бабенка двадцати двух лет. За четыре года женщина успела подарить ему трех сыновей. Аслан не боялся остаться без наследников и не нуждался в бастардах.

Ночевал мужчина в каждом из четырех своих домов по очереди, неожиданно появляясь то у одной жены, то у другой.

Заранее Аслан никого не извещал. Он внезапно возникал в любое время, днем или посреди ночи, долго не задерживался и снова исчезал. Жены его друг друга в лицо не видели, не знали, кто и где живет.

– Изверг! Чтоб ты сдох! Где же денег набрать? – Замира проводила приволакивающего ногу соседа задумчивым взглядом.

Все, что могла, женщина уже продала, выручила за свою скудную утварь лишь малую толику того, что требовалось ей собирать. Много больше она получала за патроны, которые доставала у солдат...

У пересечения двух полевых дорог федеральные войска выстроили блокпост. Неказистое сооружение из бетонных блоков, ящиков из-под снарядов совершенно не вписывалось в окружающий горный ландшафт. И не самым лучшим образом, а столь же скверно защищало оно личный состав блокпоста от шальных пуль, разрывов осколочных гранат и мин.

Очередная смена бойцов с бездумной безалаберностью достраивала временное убежище, усиленно укрепляла стены, возводила брустверы...

Приезжало большое начальство. Ему вся нелепость фортификации у дороги шибко не нравилась. Оно, брюзжа раздражением, приказывало немедленно все переделать. Строительный материал никто не подвозил. Бойцам приходилось использовать все имеющиеся подручные средства. История от смены к смене по кругу неизбежно повторялась.

В перекрестии оптической винтовки вслед за уходящим туманом начала просматриваться узкая тропка, ведущая в близлежащий горный аул. Над селением потянулись дымки. Ветер приносил с собой бляные овец и отрывистый лай собак.

– Серко, – сержант широко зевнул, – пульей сгоняй в деревню, пока нет смены. «Травку» попроси у бабая, что у самой дороги живет. Сам, блин, знаешь. Я тебя прикрою. Один твой нога там, одна копыто тут...

Молодой боец послушно снял с себя снаряжение, аккуратно сложил его на дне окопа. Поручения подобного рода приходилось выполнять ему не впервые. Он привык по утренней зорьке бегать в аул.

– Патроны цыганить начнут, – рядовой Кирьяков вопросительно прищурился. – Либо гранату им подавай...

– А ты, блин, торгуйся, – сержант вытащил из подсумка магазин и разрядил его в подставленную каску. – На что тебе, блин, язык дали...

Низко пригибаясь к земле, привычно используя складки местности, Кирьяков учащенным шагом ходко зашел к поднимающимся, будто вырастающим из молочного тумана отрогам гор, круто уходящих ввысь и теряющихся в низко стелющихся кучевых облаках.

– Ушел? – за спиной сержанта с бруствера посыпалась земля.

– Ушел, блин...

Снимая с головы каску, Ильин шагнул к молодой женщине.

– Продрогла я вся, пока ждала...

– Иди ко мне, Замира, согрею...

Опустившись на сырую землю, горянка нерешительно потянула за края подола, обнажила призывно забелевшие бедра. Сглотнув горячую слюну, парень потянулся к тугому женскому телу...

Черный внедорожник с заляпанными грязью номерами спускался с гор. Занятый своими мыслями, Кирьяков не сразу заметил идущую ему навстречу машину. Испуганно юркнув в первую же попавшуюся ему на глаза канаву, боец замер, выжидая затаился.

– Вот, черт! – огорченно выругался он про себя. – Димке из-за меня влетит, если наш прапор заявится на пост, а меня не найдет.

Сидевший рядом с водителем немолодой мужчина в каракулевой шапке на голове проводил ящеркой залегшего на земле бойца долгим и озлобленно ненавидящим взглядом. Нервные сухие губы раздраженно дрогнули. Горец гневно потряс крепко сжатым кулаком:

– Шайтан! Урус совсем страх потерял...

Издав протяжный вздох, женщина прикрыла наполненные вязким блаженством и осознанием украденного счастья глаза.

Обнаженная грудь ее бурно вздымалась. По всему ее долгому телу, затихая в босых ступнях, пробежала волна упоительной дрожи.

Приподнявшись, сержант внимательно наблюдал за неподвижно лежавшей горянкой. Сколько ни пытался, никак он не мог взять в толк, на кой ляд красивая и молодая бабенка раз за разом бежит к нему, будто не может найти себе стоящего мужика среди своих сельчан.

– Аллах накажет меня... – покаянно прошептали женские губы.

В подрагивающих темно-карих выразительных глазах затаились скрытая боль и страдание, недоступное юношескому пониманию.

– Кажись, – сержант, вскакивая, потянулся за автоматом, – шумит что-то. Машина, блин, к нам идет...

– Тебе показалось...

Высунув голову, Ильин обнаружил приближающийся к блокпосту внедорожник. Он судорожно схватился за трубку телефонного аппарата ТА-57, посылая электрический вызов, резко крутанул черную ручку.

– К нам, блин, гости едут... – зачастил сержант, стараясь выиграть порядком упущенное им же по халатности и полному пренебрежению выполнением обязанностей времечко. – Не спите, блин, встречайте...

Молодая женщина накинула на себя длинное, почти до самых пят, цветастое ситцевое платье, низко повязала платок.

– Я пошла... – она скромно потупилась.

– Иди... – на прощание сержант похлопал смущенно улыбающуюся бабу по тугим ягодицам. – Приходи вечером, не забывай...

– Приду...

Старший прапорщик Фесько, с трудом поднятый с топчана замом командира взвода, усиленно тер ничего не соображающие, красные с перепоя глаза. Накануне он, по обыкновению, хватил лишку, заснул поздно, спал до омерзительного отвращения плохо. Несмотря на весь принятый внутрь алкоголь, мужика мучили кошмары. Скулы до боли сводило тягучей зевотой, усугубляемой тошнотворными позывами.

– У... ё! – завидев у шлагбаума остановившийся внедорожник, он раскрыл щербатый рот, откуда отравляющей волной во все стороны дохнуло перегарным зловонием. – Кого еще к нам принесло?

В эту рань, как понималось ему, добрые люди по их дорогам не шастают. В столь ранний час в поисках добычи рыщут дикие звери, волки поганые и трусливое шакалье...

– Старшего спрашивают...

Мельком лишь глянув на себя в присобаченный к стенке неровный осколок зеркала, прапор страдальчески поморщился, вяло взмахнул рукой. Накинув на плечи куртку, он нахлобучил на голову помятую, словно жеваную коровой, замусоленную полевую кепку.

– Э, чего тянешь, командир, – тонированное стекло приспустилось, и донесся ровный и уверенный в себе голос с сильным акцентом. – Дорога мой дальний...

С оступелым безразличием, справляя нудящую обязанность, Фесько скользнул ничего не видящим взглядом по протянутой к нему бумажке.

Неровно пропечатанные буквы, словно издеваясь над ним, плясали вприсядку. После проверки документов внедорожник пропустили.

– Вот ты скажи мне, братец Семенов, – прапор задумчиво почесал колющуюся скулу, – откуда у этого горца дорогуша машина? Живут все в нищете, а этот...

– Бандиты... они... все. Людей убивают, воруют, торгуют ими...

– Вестимо, братец. Пася коз, столько не заработаешь...

Эмиссар непризнанного Чеченского правительства Омар Тахоев презрительно сплюнул в боковое окошко:

– Э, такой дурак на важный пост стоит. Любая бумажка верит...

По ссохшимся губам бегала улыбка. В их стране привыкли верить бумагам. Не могут понять недоумки, что любую бумажку у них можно легко подделать и изготовить любой документ. Бланки на каждом углу в переходах метро продаются за сущие копейки. И нужную печать на заказ изворотливые дельцы исполняют в два счета...

2

В дверь тихонечко постучались и, не дожидаясь ответа, вошли. Симпатичная русоволосая девушка в коротеньком беленьком халатике изящно держала в руке поднос с завтраком. Мужчина открыл глаза.

– Доброе утро, Борис Семенович! Пора вставать... – медсестра лучезарно улыбнулась.

– Инга, ты... – Пестиков с облегчением вздохнул.

Всю ночь полковника ФСБ мучили кошмары. Ему снилось, как он в одиночку бредет по глубокому ущелью. Тропинка, пробитая горными потоками, местами расширялась, порой сужалась так, что ему едва-едва удавалось протиснуться. Скалистая порода сходилась с обеих сторон, острые выступы рвали одежду, оставляли на его теле кровавые следы.

– Я принесла вам поесть...

– Иди ко мне...

Послушно приближаясь, дева неслышно ступала по толстому ковру босыми ступнями, на ходу расстегивала белоснежный халат. Под ним на медицинской сестричке из одежды ожидаемо ничего не оказалось.

Мужские руки жадно дотрагивались до тугого девичьего тела. В прикосновениях к нежной плоти Борис искал успокоения. Хотелось ему хотя бы на малое время отвлечься, избыть надоедливый, давящий на психику страх, избавиться от всех своих изводящих душу тревог.

– Ох! – Инга призывно выгнулась в спине.

Поощряемый девушкой, вождедеющий мужчина вслепую нащупал пальцами затвердевший сосок, слегка сдавил его, чувствуя, как внутри ширится неумное желание, оттесняет в стороны все его думы.

– Ах... ах... ах... – сестричка откинула голову, сладостно прикрыла глаза, томно приоткрыла ротик. – Ох... ох... ох...

Разожженное опытными мужскими ласками острое желание разом накрыло девушку своими циклическими волнами, потянуло в яркий мир чувственного наслаждения. Она отдавалась мужчине вся и без остатка.

Ей невообразимо повезло. Борис обещал ей помощь в обустройстве ее дальнейшей судьбы. Приходя к полковнику, ложась в его постель, красавица с успехом совмещала полезное с приятным. И дело свое она справно исполняла, и удовольствие при этом получала немалое.

– Хорошо-то как! – счастливо выдохнула Инга и замерла.

Глядя на нее, Борис в очередной раз подумал о том, что не только мог бы представить ее в роли жены, но и хотел бы предложить ей выйти за него замуж. Разница в возрасте его особо не волновала. В их время подобные браки считались в порядке вещей.

Кое-какие шаги он предпринял, похлопотал за Ингу через одного своего давнишнего друга. Лет десять назад Сашка Коржаков работал в соседнем девятом управлении КГБ. Охраняли там высших партийных и государственных деятелей. Крутился его кореш возле элиты.

В 85-м майора Коржакова назначили одним из трех телохранителей первого секретаря Московского горкома КПСС Бориса Ельцина.

По пьянке Сашка со смехом рассказывал, что помимо высочайшего профессионализма к нему предъявили три неотъемлемых требования.

– Охранник Ельцина, – дружок выставил свой указующий перст, – должен уметь выпить и при этом не пьянеть. Должен уметь играть в волейбол. И должен быть ростом не меньше Бориса Николаевича...

После октябрьского 1987 года пленума ЦК КПСС Ельцин попал в опалу, а поддерживающего с ним дружеские отношения Коржакова в 88-ом году выгнали на пенсию «по возрасту и по состоянию здоровья».

Но разбитной корешок не прогадал, не предал Ельцина, поставил на опального шефа и вытянул свой счастливый лотерейный билет...

Правда, задаром в их жизни и пальцем не шевельнут, чтоб помочь. А потому протекция Коржакова стоила прилично. Но ради того, чтобы устроить будущее женщины, с которой он собирался связать всю свою дальнейшую жизнь, Борис мог пойти и пошел на определенные траты.

– И почто наши мужики воюют... – отдохнувшую девицу потянуло на философские размышления. – То перемирие объявят, то война...

Поглощая нежный творожок, Борис Семенович скосил левый глаз на раскинувшуюся в его постели сестричку, усмехнулся, но промолчал, хотя и мог предоставить девице вполне исчерпывающий ответ. По роду своей нелегкой службы он находился в курсе всех перипетий, знал почти все тонкости и хитросплетения придворной борьбы...

...Весной 95-го министр иностранных дел Козырев выбрал, на его взгляд, самый лучший момент. Из дипломатического далёка, искусно плетя кружева из недомолвок и намеков, он завел разговор с Борисом Николаевичем о грядущих выборах. Козырев небезосновательно считал, что пришло время к ним всесторонне и тщательно готовиться.

Для начала, по его задумке, им следовало подыскать себе людей, имеющих представление о современных выборных технологиях.

– Ну... что вы мне все про это говорите?! – шеф неожиданно для Козырева отреагировал с досадливой раздраженностью.

Предстоящая предвыборная гонка обещала стать серьезным для его окружения испытанием. Рейтинг первого Президента России катился к отметке «статистическая погрешность». Другими словами, стремился он к «абсолютному нулю», с трудом удерживался на уровне пяти-шести процентов, совершал прецессионные колебания вокруг этих цифр.

– Вот и возьмите дело на себя. Занимайтесь им...

– Значит, вы мне поручаете? – вкрадчиво уточнил Козырев.

На лице министра появилась довольная улыбка. Ему доверялось дело не то чтоб ответственное, а дело государственной важности. И сам по себе факт оказанного ему высокого доверия говорил о многом.

– Поручаю вам... – Ельцин важно надулся. – Запрягайте лошадей...

Пока Козырев «запрягал лошадей», Андрея Владимировича сняли с поста министра иностранных дел. Президент отставил его поспешно, безо всяких объяснений. Первого российского министра иностранных дел просто-напросто вышвырнули на улицу, никуда не трудоустроив.

Впрочем, подобное отношение к своим ближайшим соратникам у Бориса Николаевича культивировалось и считалось в порядке вещей.

Первый Президент России мог на словах громко и с пафосом на весь мир вещать о своем безграничном доверии к тому или же иному высокопоставленному лицу и через день отправить бедолагу в отставку.

С людьми Борис Николаевич не считался. Держал он подчиненных за сор, который без всякого сожаления их Президент время от времени беспощадно сметал со всех властных подмостков.

– Я издал Указ... – напыщенно тянуло с экранов телевизоров.

Козырева вышвырнули. Срок выборов неумолимо приближался.

А рейтинг Ельцина уверенно держался на столь низком уровне, что никто из стоящих профессионалов не брался за абсолютно, на их далеко не самый непредвзятый взгляд, бесперспективного кандидата.

Накануне Нового года у Президента случился очередной инфаркт, и его упрятали в санатории в Барвихе. Окружение Ельцина одолевали сомнения: что делать с выборами, как в таком состоянии им выдвигать Ельцина на пост главы государства, если тот почти как неживой.

– И куда его... – огорченно моргнул Павел Бородин.

А врачи рекомендовали Ельцину полный покой. Их пациент далеко не молод. А выборы – это все, что угодно, но только не покой.

– Без него нас всех погонят... – вздохнул Олег Сосковец.

Ближайшее окружение Ельцина понимало, что с новым человеком придет новая команда. Она выметет их всех из Кремля, вырвет из их рук рычаги управления, отгонит от государственной кормушки, мстительно втопчет в грязь и закидает злорадно-презрительными плевками.

– Все по миру пойдем! – тяжело вздохнул Анатолий Борисович.

– Припомнят тебе приватизацию... – ухмыльнулся Тарпищев.

– И теннис твой прихлопнут! – не остался в долгу Чубайс.

В их полемику на грани ссоры вмешался Александр Коржаков:

– Все будет хорошо. Доктора его поставят на ноги...

С Ельциным работали лучшие врачи, не обращавшие внимания на все его капризы, на злобный тон его замечаний, на его вечное нытье.

В те дни Бориса Николаевича практически ничто не волновало, кроме вопроса о власти. Мимо его сознания проходило все, что к самим выборам не относилось. Ему хотелось наплевать на то, что на окраинах вверенного его заботам государства не затихала война.

По большому счету, на Кавказе шла война, им же самым косвенно и подоженная, когда на весь мир им было заявлено, что всяк и каждый волен брать себе столько суверенитета, сколько и кому захочется...

Из хроники боевых действий:

9 января 1996 года отряд боевиков численностью 256 человек под командованием полковых командиров Салмана Радуева, Турпал-Али Атгериева и Хункар-Паши Исрапилова совершил рейд на город Кизляр.

С наступлением общего улучшения высокопоставленный пациент, с трудом приподняв голову, тихо произнес:

– Я решил идти на выборы...

Стоявший у изголовья больного начальник Службы безопасности Президента Российской Федерации воодушевленно произнес:

– Борис Николаевич! Мы в этом никогда не сомневались! Другого равного кандидата все равно нет. Конечно, если бы у вас был преемник, вы бы могли спокойно уйти на пенсию и знать, что он продолжит ваше дело. И мы бы агитировали за преемника. А раз его нет, не ваша вина в том. Может, президентство – ваш крест? Придется нести его дальше...

По всему одутловато-болезненному лицу Бориса Ельцина густо разливалось выражение благоговейного блаженства. Слова его верного сторожевого пса благостным елеем проливались на душевные раны. В эти минуты, как никогда, ему требовалась моральная поддержка.

– Руководителем избирательной компании, – зашевелился Борис Николаевич, – я поставлю Сосковца...

– А как же правительство? – растерянно моргнул Коржаков. – Он у нас один из немногих, кто там по-настоящему работает!

Незадолго до этого дня в Службу безопасности Президента пришла одна любопытная справка о том, кто из вице-премьеров и сколько всего обрабатывает текущих документов.

Олег Николаевич Сосковец имел поистине стахановские показатели. Он перекрывал нормы в несколько раз. Три тысячи бумаг за год! За качество обработки речь не шла...

В ответ на изумление охранника Ельцин цинично ухмыльнулся.

– А мне наср... на это ваше правительство! – Борис Николаевич выражался крайне редко, но тут он не сдержался, словечко сорвалось, корежа слух. – Мне главное – выборы выиграть...

Вслух, естественно, не произнеслось. Да все прекрасно поняли, что все остальное для Ельцина – трин-трава и не суть как важно...

– Сосковец предан вам лично и будет вкалывать в полную силу...

– Истину глаголешь...

Судьбоносное решение они приняли, почали размышлять: стоит ли Олегу уходить с занимаемой им высокой должности... или он сможет совмещать предвыборную деятельность с работой в правительстве.

Решили, что уход с властной должности веса Сосковцу не добавит, а напротив, укоротит ему руки. А дела иные потерпят... Не до них... Не до страны, когда решается столь судьбоносный вопрос...

Неожиданное назначение Сосковца окончательно поляризовало все недружное окружение Ельцина. Ильюшины и Сатаровы, они мгновенно сообразили, что Сосковец-то грядущие выборы непременно выиграет, а значит, заслуженно станет преемником. А им всем – амба...

Из хроники боевых действий:

6 марта 1996 года несколько отрядов боевиков атаковали с различных направлений контролировавшийся российскими войсками Грозный. Боевики захватили Старопромысловский район города, они блокировали и обстреливали российские КПП и блокпосты...

Несмотря на то, что Грозный остался под контролем российских вооруженных сил, сепаратисты при отходе захватили с собой запасы продовольствия, медикаментов и боеприпасов...

На северокавказском театре военных действий власть терпела одно чувствительное поражение за другим, что являлось прямым следствием общей неорганизованности и паралича государственной системы.

Высшей власти совершенно было не до ведущейся на периферии государства войны. В предвыборном штабе Ельцина разворачивались свои и не менее ожесточенные баталии.

Каждый второй считал себя умнее и достойнее каждого первого, при удобном случае с превеликим на то удовольствием изрядно поливал соратников грязью. Спичрайтер президента Людмила Пихоя при многих свидетелях высказалась о Сосковце с ненавидящим откровением:

– Что с него взять, он политический импотент...

Думалось и мнилось выскочке в юбке, что по силам ей столкнуть набравшего силенку Сосковца, создав вокруг него жуткую обстановку общего неприятия. Шла Пихоя на противостояние, несмотря на то, что Ельцин самостоятельно выбрал Олега Николаевича.

Рисковала Людмила, ибо прекрасно понимала, что их Президент в последнее время внушаем, легко меняет свое мнение в зависимости от того, что ему сладко напоят его ближайшее окружение...

Из хроники боевых действий:

16 апреля 1996 года колонна 245-го мотострелкового полка Вооруженных Сил России, двигавшаяся в Шатой, попала в засаду в Аргунском ущелье близ села Ярышмарды.

Операцией руководил полевой командир Хаттаб. Боевики подбили головную и замыкающую колонну машины, таким образом, колонна оказалась заблокирована и понесла значительные потери – оказалась потеряна почти вся бронетехника и половина личного состава...

К самому ближайшему окружению их Президента относилась его «семья». Ее, по сути, возглавляла Таня Дьяченко. Ей совершенно не нравились авторитарный стиль руководства Олега Николаевича и сам тон Сосковца. Она деланно возмущалась:

– Так нельзя себя с людьми вести!

Лезла неопытная девочка Танечка во взрослые игры, хотя прежде она не руководила ни большим коллективом, ни самым малым отделом.

Если бы хоть разок Таня побывала на заседании горкома партии и посмотрела, как хлестко шпынял коллег ее отец, то о повелительном тоне Сосковца не заикалась бы. Стиль его работы удивительно походил на раннюю ельцинскую манеру руководства людьми.

Прочувствовав Танино недовольство, Илюшин мгновенно повел атаку на Сосковца. Он нашептывал женщине едкие замечания, пытался устранить Олега Николаевича с политической арены...

Из хроники боевых действий:

С самого начала чеченской кампании российские спецслужбы неоднократно пытались ликвидировать президента ЧРИ Джохара Дудаева. Попытки подослать убийц заканчивались неудачно.

Спецслужбам удалось выяснить, что Дудаев часто разговаривает по спутниковому телефону системы «Inmarsat»...

В молодости Таня Дьяченко редко хвасталась высоким положением отца. И она открыто не использовала его возможности для собственной карьеры. Зато ее муж Алексей, если требовалось ему решить возникшие проблемы, твердо отсекая всякие ненужные вопросы, недвусмысленно предупреждал своих оппонентов:

– Между прочим, я зять Ельцина...

Изначально не брезговал зятек попользоваться положением тестя.

В начале 96-го Ельцин посетил Францию с официальным визитом. В те же дни вся французская пресса довольно много писала о младшей дочери президента Жака Ширака – Клод.

В заграничном тандеме: отец-президент и дочь-помощник, многие доморожденные умники, такие, как Березовский, Юмашев и все прочие, увидели пример, достойный подражания. Они давненько подыскивали близкого к Ельцину нужного человека, непомерно честолюбивого, мало профессионального, хорошо внушаемого и такого, которого бы их шеф ни при каких обстоятельствах и ни за что не отдалил бы от себя.

Таня оказалась идеальной кандидатурой, подошла по всем статьям.

Она с наслаждением вошла во власть и особо никак не терзала себя морально-нравственными размышлениями на тему: кто и зачем устроил ей стремительное восхождение на властный Олимп...

Из хроники боевых действий:

21 апреля 1996 года российский самолет ДРЛО А-50, на котором было установлено оборудование для пеленга сигнала спутникового телефона, получил приказ на взлет. Одновременно с этим в район села Гехи-Чу выехал кортеж Дудаева. Развернув свой телефон, Дудаев связался с Константином Боровым. В этот момент сигнал с телефона был перехвачен, и два

и турмовика Су-25 поднялись в воздух. Когда самолеты достигли цели, по кортежу было выпущено две ракеты, одна из которых попала прямо в цель...

Развернутая на идеологическом фронте пропаганда била напрямик в цель, четко обозначенную предвыборным штабом. Тиражом в десять миллионов экземпляров выходила бесплатная еженедельная газета «Не дай Бог!», печатавшая все негативные материалы в адрес Зюганова – главного соперника действующего президента Бориса Ельцина.

Главными тезисами газеты являлись начало гражданской войны в случае победы Зюганова, будто бы на Северном Кавказе эта война уже давно не шла, начало массовых арестов и расстрелов, голод. Зюганов на страницах газеты неоднократно сравнивался с Гитлером. Журналисты ничем не брезговали. Цель оправдывала средства.

Независимые наблюдатели хором отмечали использование газетой грязных технологий манипулирования общественным сознанием.

В состав Совета по выборам поспешно ввели Игоря Малашенко, директора компании НТВ. Назначение выглядело верхом цинизма.

Именно НТВ, возглавляемое Малашенко, все эти годы эффективно разрушало имидж Ельцина, а нынче оно за выборные миллионы должно было активно реанимировать приятный облик Президента.

С комсомольским энтузиазмом все журналисты НТВ, отработывая денежки налогоплательщиков, принялись за обратный процесс, в чем и проявился признак их истинной независимости и профессионализма.

27 апреля 1996 года в газете опубликовали обращение ведущих российских бизнесменов. В их число вошли Березовский, Гусинский, Потанин, Смоленский, Фридман, Ходорковский...

Письмо группы олигархов завершалось веским предостережением: «Отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных и на слишком бескомпромиссных политиков». Выразились они куда еще понятнее.

Через две недели после появления письма Зюганов решил ответить на обращение, предложил провести теледебаты с Ельциным. Ельцин от дискуссии отказался. Не царское это дело полемику вести...

В народе росло недовольство затянувшейся войной на Кавказе, и генерала армии Грачева пригласили на одно из заседаний.

– Павел Сергеевич, вы можете нам гарантировать скорое и главное – успешное окончание войны с сепаратистами?

Ни секунды не задумываясь, министр обороны жарко выпалил:

– Если я лично возглавлю группировку, то через две недели мы загоним боевиков далеко в горы...

– Ты, Паша, как-то уже обещал взять Грозный двумя парашютно-десантными батальонами... – поданная с места язвительная реплика угодила прямо в точку.

Скоропалительные и хвастливые высказывания министра обороны у всех были еще на слуху. Раздались ядовитые смешки.

– По Указу нашего Президента ты входил в Группу руководства действиями по разоружению бандформирований в Чечне...

– Порулили и поруководили вы знатно...

В декабре 1994 – январе 1995 Грачев из штаба в Моздоке сам лично руководил боевыми действиями частями российской армии в Чеченской республике. После же провала нескольких наступательных операций в Грозном он поспешно вернулся в Москву. Блицкриг не удался.

Из хроники боевых действий:

Несмотря на определенные успехи российских Вооруженных Сил (успешная операция по ликвидации Дудаева, окончательное взятие населенных пунктов Гойское, Старый Ачхой, Бамут, Шали), война стала принимать затяжной характер.

В условиях намечающихся президентских выборов российское руководство в очередной раз решило пойти на мирные переговоры с сепаратистами.

27—28 мая в Москве прошла встреча российской и ичкерийской (возглавляемой Зелимханом Яндарбиевым) делегаций, на которой договорились о перемирии с 1 июня 1996 года и обмене пленными.

Сразу же после окончания переговоров в Москве, Борис Ельцин вылетел в Грозный, где высокопарно поздравил российских военных с победой над «мятежным дудаевским режимом» и объявил об отмене воинской обязанности...

Видно, народ искренне поверил, что войне пришел конец, и...

По результатам первого тура действующий президент России Ельцин показал наилучший результат, получил 35,28 процента. За ним шел Зюганов, набравший 32,03 процента, чуток уступивший Ельцину.

Главной неожиданностью стало третье место А. И. Лебеда, который получил аж 14,52 процента. Позорное поражение потерпел бывший Президент СССР М. С. Горбачев, получивший всего 0,51 процента.

Народ в целом правильно оценил роль последнего Генсека КПСС в бесславном конце некогда казавшегося созданным на века государства.

Во второй тур вышли Ельцин и Зюганов. И битва за избирателей продолжилась, разгорелась с новой силой.

На Ельцина работал весь административный ресурс. На агитацию пустили львиную долю последнего транша МВФ. Вместо того чтоб реанимировать экономику, заграничные средства кидали на подкуп, на «замыливание глаз», их попросту выбрасывали на ветер, разворовывали.

– Один раз живем! – потирали руки помощники Ельцина.

Накануне второго тура президентских выборов произошло ЧП.

В 17 часов 20 минут 19 июня на проходной Дома правительства дежурные милиционеры случайно остановили для проверки участников предвыборного штаба Ельцина. Активисты несли картонную коробку, плотно набитую долларами, американскими дензнаками. Новенькие купюры аккуратно были перетянуты банковскими ленточками.

Огромнейшие суммы, предназначенные для предвыборной борьбы, самым пошлым образом разворовывались в их штабе. Шальные деньги переводились за границу, на счета специально созданных подставных фирм-однодневок. Расхищали средства десятками миллионов долларов.

Некоторые соратники по борьбе, громко называвшие себя верными друзьями, единомышленниками, на деле бессовестно обогащались. Они спешили набить свои собственные карманы, возможно, не веря в саму победу, предусмотрительно создавая для себя «подушки безопасности», «парашюты» для мягкой посадки, когда их всех отпихнут от кормушки, столкнут с властной верхушки. Судьба самого Ельцина, как и «горячо ими любимого» народа, их особо не интересовала. Называли они себя демократами, а, в сущности, оказались истинными врагами...

3 июля 1996 года действующего президента Российской Федерации Ельцина снова переизбрали на пост главы государства. Новый секретарь Совета Безопасности Александр Лебедь незамедлительно объявил о возобновлении боевых действий против бандитских формирований.

Мирный период длился недолго. Народ в очередной раз обманули. Впрочем, вскоре и генерала Лебеда, призвавшего своих избирателей отдать их голоса Ельцину, попросят уйти с политической арены. При первом же удобном случае избавятся от неудобной, плохо управляемой фигуры. Человека использовали, разжевали и смачно выплюнули...

– Я издал Указ! – на экранах появилось лицо Президента.

Из хроники боевых действий:

Операция «Джихад».

6 августа 1996 года боевые отряды чеченских сепаратистов численностью от 850 до 2000 человек вновь атаковали Грозный.

Сепаратисты не ставили своей целью захват города; ими были блокированы административные здания в центре города, а также обстреливались блокпосты и КПП. Российский военный гарнизон под командованием генерала Пуликовского, несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, не смог удержать город...

И вновь власть в лице генеральской верхушки продемонстрировала свою полную несостоятельность и преступную неспособность.

Одновременно со штурмом Грозного сепаратисты захватили также города Гудермес (взяты ими без боя) и Аргун (российские войска удержали только здание комендатуры). По мнению Олега Лукина, именно поражение российских войск в Грозном привело к подписанию Хасавюртовских соглашений о прекращении огня...

Конечно же, Пестиков точно не знал и не мог предположить, что 31 августа представителями России (председатель Совета Безопасности Александр Лебедь) и Ичкерии (Аслан Масхадов) в городе Хасавюрт (Дагестан) будут подписаны соглашения о перемирии.

Российские войска полностью выведут из Чечни, а само решение о статусе республики будет отложено до 31 декабря 2001 года. Армию, по сути, прижавшую боевиков к горам, предадут, уничтожат все плоды ее героических усилий, надсмеются над тысячами погибших воинов...

– Борис, – тихо выдохнула Инга, – у меня будет ребенок...

Застигнутый врасплох, мужчина замер, застыла его рука.

– От меня? – недоверчиво прищурился он.

Девичьи реснички негодуя задрожали:

– Борис, как ты мог так сказать... Я тебе... что...

Всем своим видом Инга кричала, что Борис сильно обидел ее этим вопросом, что он не имеет права даже усомниться в ее верности.

– Прости, я спросил, не подумав. Это так неожиданно...

– Ты что же, не рад? – легко ступив босыми ногами по полу, Инга обвила его своими тонкими и красивыми руками. – Ты же столько раз говорил мне, что хочешь своего ребенка, плоть от плоти твоего...

– Ты права. То, что ты мне сказала, многое меняет... Многое...

Мужчина измерил всю комнату вдоль и поперек своими тяжелыми и задумчивыми шагами. Приняв решение, он остановился и заявил:

– У меня сегодня наклеывается трудный день...

По лицу Бориса пробежалась тень. Из-за денег он впутался в одно нехорошее дельце, от которого весьма дурно пахивало. И не в первый раз он связывался с делами подобного рода.

– Ты... – мужчина через силу улыбнулся, – выходи за меня замуж...

– Борис! – девушка крепко прижалась к мужскому телу. – Я тебя безумно люблю! Я безумно счастлива...

Затянув кожаный ремень, Пестиков словно бы решился на шаг, что дался ему вовсе не так легко, как Инге могло показаться со стороны:

– Идет война. У моего ребенка должен быть законный отец...

Девичьи ушки ярко вспыхнули, щечки заалели, а ее саму бросило в жар. Она все-таки добилась своего, вынудила мужика ускорить процесс.

– Мы сегодня же оформим наши отношения...

– Борис...

Посматривая на часы, Пестиков прикидывал, сколько времени на все и про все у него осталось до встречи с одним важным лицом.

– Десять минут тебе на сборы... – он решил подстегнуть события.

– А как же...

Отметая все ее лишние вопросы, полковник приставил палец к ее красиво очерченным губкам:

– Только роспись. Свадьбу сыграем в Москве. В сентябре. После того, как ты устроишься в Военно-медицинской Академии...

– Ты хочешь сказать, что я поступила?

– Да, приказ о твоём зачислении пришел...

Через десять минут они ехали в машине. Инга сидела прямая. Она смотрела перед собой, губы ее были решительно поджаты. Еще немного выдержки и терпения, и перед нею откроется широкая дорога в...

3

В штаб части поступило срочное распоряжение, и управление стало похоже на осиное гнездо, разворошенное непрошеным гостем. Двери раздраженно распахивались, рассерженно хлопали. Обиженно скрипели ссохшиеся деревянные половицы. Затрещали полевые телефоны. Взад-вперед забегали взмокшие и запыхавшиеся посыльные...

– Офицеры! – сонную тишину всколыхнула протяжная команда.

Кряжистый и широкоплечий, твердо стоявший на утопанной и укатанной земле своими коротковатыми ногами, командир батальона приступил к отдаванию приказа на совершение марша.

– А говорили, что сегодня выходной! Обещали баньку нам всем, – огорченно вздыхал боец, доливая воду в систему охлаждения.

– Пролетели, как фанера над Парижем...

Жилистая длань седого подполковника железным хватом нервно растопыренной пятерни тянулась к самой горной гряде. Широкоскулое, в мелких оспинках лицо комбата было сурово и сосредоточено.

– Уроды! – в сердцах сплюнул лейтенант Стольников. – Трудно им «вертушкой» документы отправить... Нет, надо целую колонну гонять взад-вперед. Соляру попусту жечь и людей почему зря мытарить...

– И не говори! Снова у нас все через задницу...

Простуженный и натруженный, с хорошо заметной хрипотцой, металлического отлива голос комбата щетинистым ершиком въедался в заматеревшие души стоявших перед ним служивых людей:

– Особое внимание при прохождении участка дороги вдоль ущелья Шайтана рядом с высотой 1147...

На доли секунды майор, стоявший в общем строю, прикрыл глаза, оживляя в своей памяти фрагментами поблекшую со временем картину.

Высота 1147. Плоская вершина горы. Удобное место для засады...

– Черт! – вполголоса выругался офицер. – Дернул же меня шайтан согласиться ехать с колонной. А место там, и вправду, красивое...

Каменистая тропка бежала и причудливо извивалась. Утомившись, стежка пряталась в тенистых низинах. Набравшись сил, резво взбегала она на открытые пригорки. Проторенный веками путь брал свое начало в долине, у самого подножья гор, и терялся он на одной из заснеженных вершин. Мелко сыпался щебень, выбитый многими тысячами копыт, обтесанный подошвами множества людей.

– Связь держать постоянно в режиме «Прием»...

Плотно сжатые губы майора изогнулись в ироничной усмешке. На пороге двадцать первое столетие, а у них радиостанции, будто еще с каменного века. Допотопные Р-108 в двух шагах друг друга не слышат. Чуть новее Р-148. Да и у них дальность связи не Бог весть какая.

– Управление на марше – флажками...

Офицер-артиллерист саркастически хмыкнул. Вот-вот, по старинке-то оно выходит намного проще и надежнее. А боевики пользуются портативными станциями иностранного производства.

– Пальцы береги, салага! – донесся резкий выкрик.

На третьей в колонне боевой машине меняли треснувший трак.

– Раздавит, бабе тыкать нечем будет!

– Ха-ха-ха...

Гвалт, шум, суета. Пудовой кувалдой бойцы выбили металлический стержень, растянули по земле порядком изношенную гусеницу.

– Во время движения соблюдать дистанцию на марше...

Подъехал бортовой ЗИЛ-131. С него сгружали деревянные ящики с патронами и растаскивали их вдоль всей колонны. Сержант торопил:

– Шевелись, не спи на ходу! Замерзнешь, нос расшибешь...

Все бегом. Все на нервах. Зампотех батальона занес перед носом замызганного солдатака свой волосатый кулачище:

– Машину, боец, к маршу готовь, ворон не считай...

Чумазы механики-водители снова и снова опускали металлические щупы, проверяли уровень масла, доливали...

– Гробы... рухлядь... давно все списать пора и в утиль...

– Ждут, пока «чехи» их не подожгут. Спишут на боевые потери!

– Ага, а в отчетах пройдут, как новая техника...

– А денежки разворуют себе по карманам...

Сурово сдвинув брови, подполковник ткнул толстым пальцем в сторону готовой к выезду боевой техники:

– Назначить в каждой машине наблюдателя...

Командиры машин выстраивали свои расчеты, дотошно проверяли экипировку подчиненных им солдат.

– Мой заместитель – майор...

Выдержав паузу, подполковник махнул рукой:

– По местам! Заводи!..

Натужно взревели двигатели, окутав боевые машины сизым дымом. Командир батальона, выждав минуту, флажком и голосом подал сигнал о начале движения:

– Вперед!

Одна за другой БМП трогались, вытягивались вдоль дороги.

– Ну, с Богом! – зампотех тыльной стороной кисти смахнул со лба мелкие капельки обильно проступившего пота.

С высоты своего не самого высокого положения и он прекрасно осознавал, что снова у них воюют числом, а не уменьем. Частенько боевики оказывались вооруженными лучше регулярной армии.

А где-то в далеких НИИ ржавели комплексы защиты от ВТО – высокоточного оружия, что позволяли еще на подлете к боевой технике уничтожать противотанковые управляемые ракеты, снаряды и мины.

Только дела нет высокому начальству до так любимого им личного состава. Одна смерть – трагедия. Гибель десятков и сотен – статистика боевых потерь... Сухая и обыденная...

Крадущиеся шаги по-кошачьи мягко и почти бесшумно ступали по каменистой почве, редко оцетинившейся сочно-зелеными молодыми побегами травы-муравы. Высоко в небе парил хищный беркут, зорким взглядом выискивал себе добычу. Словно предчувствовал гордый орел, что вскоре ему предстоит славная охота...

– Слева чисто! – коротко пискнула портативная рация.

– Справа чисто...

Напряженно всматривающийся прямо перед собой воин-разведчик в камуфлированном комбинезоне пальцем нажал на плоскую кнопку:

– Сходимся...

Командир группы окинул своих бойцов внимательным взглядом. Задачу, поставленную перед ними, разведчики выполнили. Проверили они и на высоте 1147 следов присутствия боевиков не обнаружили.

Дело сделано, можно и отходить. Таков был приказ его группе: проверить и уходить. Вместе с ними притопали два солдата из пехоты. Их приказали оставить вплоть до прохода механизированной колонны.

– Пескову и Федотову приступить к наблюдению. Смотреть в оба, – распорядился старшой. – Группа, за мной...

Оставшись одни, бойцы расслабились, скинули каски. Для удобства ведения наблюдения за местностью солдатики залегли за небольшими валунами. Жарко припекало солнце. Глаза начали слипаться. Сладкая дремота вытеснила на второй план собственную безопасность...

Удобно устроившись на броне, майор своим задумчивым взглядом скользил по живописным склонам нависающих гор.

Небольшие участки дубового леса с высотой сменялись буковыми рощами с примесью клена остролистного. А во влажных поймах рек в окружении ивы и серой ольхи пряталась облепиха.

Пересекавшие поперечные хребты долины рек представляли собой узкие и глубокие ущелья со стремительными потоками, порогами и водопадами. В балках и оврагах били многочисленные ключи...

Вдоль узкой балки с западной стороны к высоте 1147 продвигались люди в защитной форме. Их было много. Среди них шли наемники. Говорили они на разных языках. Слышна была и арабская речь...

Тревожно защелкал клест, громко предупреждая о надвигающейся опасности. Рядовой Песков очнулся. Машинально он потянулся рукой к автомату. Оружия его на месте не оказалось. Воин дернулся, попытался вскочить, но Пескова со страшной силой вдавило в землю.

Скосив в сторону глаз, боец увидел товарища. Голова Федотова неестественно задралась. Ужас сковал Пескова, когда он понял, что шея его друга перерезана и из нее толчками вылетает густая алая жидкость. Кровь стекала на землю, заливала прошлогоднюю жухлую листву...

– Кончать его! – по-арабски скомандовал темнокожий наемник.

Армейский штык-нож иностранного производства легко скользнул по шее рядового Пескова, оставил глубокий надрез. Стальное лезвие жалости не знало. Оно старательно выполнило свою работу, буднично и весьма профессионально, не оставило жертве ни единого шанса.

Разноязычные наемники по команде командира живо рассыпались по всей высоте. Они занимали удобные позиции для ведения боя...

Узкая дорога петляла, серпантинном поднимаясь все выше и выше.

– Смотри, волк! – комбат толкнул майора в бок.

Серый хищник стоял меж двух камней, почти сливался с ними. Смотрел он на движущуюся колонну немигающими зелеными глазами. Еще недавно волки бродили в этих горах стаями и в одиночку.

– Эх, двустволку бы... да картечью... – протянул подполковник.

– Да, кабы не эта клятая война...

Война. Откуда-то в эти чудесные места пришла безжалостная, жестокая и бессмысленная война. Зверь ушел в те края, где не стреляли. Его охотничьи уголья заняло зверье в человеческом обличье...

– Не боится, – комбат покачал головой, – не уходит...

Моргнув, майор медленно отвел глаза от склона горы, опустил взгляд на сидящего рядом с ним подполковника, нахмурился.

Внутри у него было тревожно и беспокойно. Такое с ним случалось. Он заранее начинал чувствовать, что что-то должно случиться. На днях они смотрели кинофильм «Щит и меч». И раньше нравившаяся ему мелодия, переключаясь с настроением, с новой силой зазвучала в ушах:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоем букваре,
С хороших и верных товарищей...

Неопытный механик-водитель, видно, не успел вовремя перейти на пониженную передачу. Движок обиженно захлебнулся. Их БМП встала. Майор качнул головой. Бывает. Он прикрыл глаза и вслушался в себя:

...С хороших и верных товарищей...

Ему везло. В том смысле, что с хорошими и верными товарищами повезло. За долгие годы учебы и службы он познакомился со многими людьми. Они вместе прошли через многое. И дружба их начиналась:

...С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять...

Защипало в левом глазу. Майор ладонью ожесточенно потер щеку. Как давно все это происходило. Как будто в другой жизни...

...Извивающейся змеей механизированная колонна своей головой медленно вползала в неприветливое ущелье. Надрывно стучали старые дизеля. Царапая душу, противно лязгали изношенные траки.

– Майор, как? – толкнул Рэма в бок командир сводного батальона подполковник Ерохин. – Как тебе ущелье?

– Ущелье, как ущелье, – майор неопределенно пожал плечами. – По докладам все спокойно, – офицер опустил полевой бинокль. – Да ты прекрасно сам знаешь, комбат, что тишина таит в себе обманчивость.

Отвык майор доверять внешним признакам. На душе было хмуро, беспокойно. Тягостное нехорошее предчувствие, подспудное ожидание надвигающейся беды мучили его и не давали ему покоя.

Случается порой. Еще и сам человек ничего не ведает толком, но уже остро чувствует, что что-то неминуемо должно произойти.

То довлело над ним, скорее всего, некое предвидение, возникающее как следствие, как результат большого жизненного опыта и уникальной способности связывать разрозненные отдельные факты в единое целое.

Не нравилось ему, и все тут. Пешая разведка прошла по докладам минут двадцать как назад. А за истекшее время боевики запросто могли выдвинуться и занять удобные позиции для обстрела их колонны. У них все, как один к одному, шло и катилось далеко не по правилам.

В его понимании, пока их колонна не минула опасное место, ее должны были, элементарно обязаны были охранять сверху, заняв все господствующие высоты. А в противном случае, все это филькина грамота, и не больше. Одна иллюзорная видимость и мероприятие, проведенное для отчетной галочки в докладе большого начальства...

Чутье не подвело его и на этот раз. Все сложилось бы для всех иначе, если б его обостренное чувство в тот самый день слегка лишь промахнулось. Если бы дало оно досадную для себя осечку...

И все могло пойти совсем по-иному. Минуты через три-четыре они выскочили бы на простор из опасного дефиле. А там и рукой до места подать. Но случилось так, как и следовало, видно, тому случиться...

Характерная вспышка слепящим пятном сверкнула перед ними метрах в трехстах у дальнего подножия горы.

– Выстрел справа! – заученно выкрикнул наблюдатель.

Зловеще прошелестела в полете противотанковая кумулятивная граната, оставила за собой едва заметный инверсный след.

– Твою же мать... – грязно выругался подполковник, мгновенно осознав, что все они вляпались в историю по самое дальше некуда.

Головную машину, несмотря на открытые настежь боковые люки, порядком раздуло, как тонкую алюминиевую пивную банку.

– Попали...

– А-а-а! – ярко пылающий живой факел зигзагами побежал к обочине, навзничь упал на землю, завертелся волчком, разрываясь от нестерпимой боли, жадно лижущей человеческое тело.

Идущий следом БТР едва не уткнулся носом в жарко чадающий столб пламени. Обиженно заскрежетали застопоренные гусеницы.

– К машине! – заорал лейтенант Стольников. – К бою!

Бойцы, сидевшие сверху на броне, как сухой горох, посыпались на землю. Снова справа послышался зловещий шелест летящей гранаты, и замыкающая БМП вспыхнула, едко задымила.

– Занять оборону! Короткими очередями... огонь!

Вжимаясь в землю, прикрываясь серым валуном, майор оглянулся по сторонам. Сомнений у него не оставалось. Они угодили в западню. Живыми из ущелья им не выбраться. И ничего другого им не остается, как принять неравный бой, как можно дороже продать свои жизни.

– Патроны же ты, зараза, экономь! – зло кричал сержант солдату-первогодку, для пущей остротки хлестко отпустил салаге по-отечески звонкую затрещину. – Длинными очередями не бей, идиота кусок!

В голову офицера-артиллериста запоздало пришла умная мысль о том, что ему следовало дожидаться «вертушки» и добираться на ней.

Но его сумел все-таки уговорить комбат. Майор оставил позиции своего дивизиона и выехал с наспех собранной колонной. Надеялся он прибыть в штаб группировки загодя и без суеты разрешить насущные вопросы. Вот он и порешил все свои проблемы, называется...

Вздывая пылевые фонтанчики, шлепнулись две винтовочные пули. Били не наобум, а прицельно. Пристрелялись.

– Кучно шмалят...

– Снайпера посадили...

Неслучайные выстрелы недвусмысленно предупреждали о том, что майору следовало менять позицию. Не дожидаясь третьего выстрела, он отполз назад, надежно прикрываясь остовом полуобгоревшего БТР, резво перекатами ушел в сторону, наткнулся на рядового Мальцева.

– Отвоевался, браток... – майор качнул скорбящей головой.

Серо-голубые глаза молодого бойца неподвижно уставились в прозрачное горное небо, высокое, далекое и чужое.

Рыжеватые завитушки его любовно выращиваемого чуба шевелило слабым ветерком. Чуть выше переносицы темнело входное отверстие, неровно обрамленное запекшейся кровью. Под левой рукой бойца сиротливо замерла снайперская винтовка Драгунова. В состоявшейся скоротечной дуэли верх одержал, увы, не рядовой Мальцев.

– Ты прости нас всех, пока еще живых... – прошептал офицер.

Прихватив с собой винтовку, майор по-пластунски перебрался на правый фланг. Через кормовой люк офицер забрался в полуобгоревшую БМП. Приникнув к окулярам наблюдательного прибора в башне, майор цепким взглядом по рубежам ощупал всю высоту, с которой методично лупил по ним вражеский снайпер...

– Врешь! Не уйдешь! – азартно выкрикнула девушка в камуфляже.

Давно отработанным движением Леся дослала патрон в патронник, выбирая очередную жертву, слилась с оптическим прицелом.

– Где ты, где ты чек с нулями... – ухмылялась наемница.

На простых бойцов она никогда не разменивалась. Ее интересовали, прежде всего, русские офицеры, снайперы и пулеметчики. Именно за них ей недурно платили. За каждого убитого ею федерала ей полагалась определенная премия. Больше всего давали за старших офицеров.

– Чё я зря тут вам на пузе пластаюсь, титьки об камни давлю...

Еще лет пять назад Леся и во сне не могла представить себе, что окажется на самой настоящей войне. Училась одна девочка по фамилии Ищенко в обычной львовской городской школе. В свободное время она занималась в секции по пулевой стрельбе. Ее любимым оружием стала мелкокалиберная винтовка ТОЗ-8. Девушка часами могла находиться на стрельбище и выполнять упражнения учебных стрельб. А тут...

– Хреновы самостийны козлы. Всю житуху нам перевернули...

Размеренное и спокойно-уверенное течение всей ее жизни вмиг нарушилось ровно через полгода после окончания школы. Мать тяжело заболела, и в семье исчезли деньги. Они прочно оседали в аптечных кассовых приемниках. Отец их подался на заработки. Предпоследнее послание родителя пришло из Польши. А самая последняя весточка прилетела из Чехии. После чего связь с ним навсегда оборвалась.

– Залег папашка на дно. Зацепился якорем. Зашхерился...

В поисках подходящей работы Леся стоптала сапожки, но все ее потуги оказались тщетными. Ничего подходящего. Или платили жалкие крохи. Или от нее требовалось «пахать» за троих-четверых.

– А мне что, папашка, прикажешь на панель топать...

Предлагали ей место в одном ночном клубе, где подразумевались интимные услуги. Девушка с отвращением наотрез отказалась.

Когда Леся окончательно отчаялась что-либо найти, на ее горизонте неожиданно появился иорданец Али, вынырнул, как двое из ларца.

Смугловатый араб с выразительно говорящими, красивыми жгуче-черными глазами поразительно легко покорила ее неискушенное девичье сердечко. Двух встреч хватило, чтобы уложить девчонку в постель...

Тонкобровый красавец помог на первых порах с деньгами. А потом он предложил Леси выход, который поначалу ее сильно смутил.

Хитрый и расчетливый иорданец, выжидая, ее не торопил. Каждый раз он короткими и сочными мазками ярко расписывал перед Ищенко все выгоды и преимущества озвученного им предложения...

– Денежек накоплю, заживу себе припеваючи... – решила она.

Отгоняя от себя наслаивавшиеся видения, Леся тряхнула головой.

Двенадцатикратное увеличение прибора приблизило все щебневые кочки и кусты, что позволило майору внимательно их разглядеть.

Мысленно поставив себя на место своего противника, он попытался представить себе возможную позицию снайпера-боевика и логическим путем вычислить ее. Подходящих точек оказалось немного.

И в одной из них офицер ухватил короткий солнечный блик. Через секунду-другую он увидел в перекрестии женские глаза, направленные чуть вбок. Майора будто ударило током. Чужие глаза напомнили ему о женщине, с которой офицера столько связывало в его прошлой жизни...

Выискивая себе новую цель, вода перекрестие оптического прицела слева направо и обратно, Леся никак не могла избавиться от тревожно беспокоящего чувства, что за нею наблюдают. Досадливо укоряя себя за нелепые промахи, Ищенко нервно покусывала нижнюю губу.

– Врешь, не уйдешь... – сквозь зубы процедила Леся.

Пытаясь бить наверняка, она чуть затягивала выстрелы, и в самое последнее мгновение майор из федералов успевал поменять положение. Пуля летела вдогонку и потенциальной жертвы на месте не заставляла...

Определив точное местонахождение вражеского снайпера, майор неотрывно наблюдал за девицей. Овал лица и характерные черты веско свидетельствовали о принадлежности девушки к их европеоидной расе. Получалось, что подружка-то родом происходила не из местных краев.

– Залетная птаха... – усмехнулся майор.

На совещаниях до них часто доводили сведения о том, что среди боевиков встречаются и те, кто приехал к ним воевать из Украины, Прибалтики, стран Скандинавии. Он тому не особо верил, да тут явно перед ним оказалась одна из иностранных наемниц...

Потеряв спокойствие, Леся заспешила, вернулась к тому месту, где она засекла майора. Сколько ни всматривалась, никакого движения ни за, ни возле той кочки она не обнаружила. Федерал поменял позицию.

Ей подумалось, что русский офицер решил, видно, поиграть с нею в прятки-жмурки. И она кружила недалеко от истины. В учебном лагере ей преподали первые уроки контригры с вражескими снайперами.

– В прятки играемся... – девушка хищно прищурилась. – Ну-ну...

Однако теория – одно, а практика – совсем другое. Сказался явный недостаток опыта. Пытаясь отыскать майора, Ищенко лишь вскользь прошла по БМП, подбитой в самом начале боя и покинутой экипажем. Леся посчитала, что объект никак не стоит ее пристального внимания и бессмысленно тратить на его изучение столь драгоценное время...

В перекрестии мощного прибора наблюдения просматривались двигающиеся зрачки сероватых девичьих глаз. Майор прошептал:

– Ах, эти чудные глаза... они меня сведут с ума...

Может, и имели они другой цвет, но майору очи показались серого колера. Может, ему самому того захотелось. Потому что с сероватыми глазами у него столько связывалось в одно целое. Он усмехнулся:

– Не сиделось тебе дома. Ищешь себе на то место приключений...

Вполголоса выругавшись, офицер выбрался наружу. Юрко пополз он по каменистой почве, в кровь обдирая локти, колени об острые края рассыпанного повсюду щебня. Правда, майор ничего не замечал.

Имел он намерение добраться до позиции, откуда наемница могла хорошо просматриваться. Хотелось ему доползти до укрытия раньше, чем его обнаружат. Еще один бросок, и он находился на месте.

Лежа на спине, майор пару-тройку раз глубоко вдохнул-выдохнул, восстанавливая дыхание. С этой секунды ему спешка была ни к чему...

Охотничий азарт заставил Лесю позабыть об осторожности. Краем глаза она чутко заметила мельком скользнувшую тень за той БМП, на которую поначалу не обратила особого внимания, чертыхнулась.

– Черт меня задерживает! – прорвалось у нее досадой. – Кулема...

Чутьочку приподнимаясь, девушка лихорадочно пыталась отыскать признаки шевелящегося движения. Безрезультатно. И обидно.

– Ищи теперь ветра в поле, – вздохнула она, – свищи...

Заняв удобное положение для стрельбы, майор неторопливо навел перекрестие на позицию снайпера, поймал ее расстроенное лицо. Палец лег на спусковой крючок. Перед ним находился враг, а врагов следовало уничтожить без малейшего сожаления. Так Рэм вне всяких сомнений и поступил бы, имей он дело с наемником-мужчиной.

– Хлопнуть заразу, – хмыкнул он, – чтоб другим неповадно было...

Но майору противостояла женщина, молодая девушка. Рэму стало жалко убивать ее. Она бы еще могла полюбить, создать семью, нарожать детишек. А своим безжалостным выстрелом он разбил бы на мелкие осколки по глупости свернувшую не в ту степь судьбу.

Плавнo выбирая свободный ход спускового крючка, майор медлил, не спешил, хотя имел несколько хороших моментов, чтоб выстрелить и покончить с наемницей. Он ждал, выбирал миг, когда девчонка чуток потеряет осторожность и опрометчиво покажет ему свое плечико, никак не защищенное бронезиловом. Рассчитывать на что-то иное и большее ему в данной непростой ситуации не приходилось...

Наблюдая в оптический прицел, Леся легко догадалась, вычислила позицию, где залег федерал. На его месте она, ведя охоту на вражеского снайпера, поступила бы также. А в данный момент охотились именно на нее. И понимание некоей двусмысленности создавшегося положения к здоровому азарту добавило немалую долю раздражительной злости.

– Я те, гад, покажу! Урою, кацап долбаный! Играться вздумал...

Внутри у нее росло чувство не из самых приятных. Комфорта оно не прибавило. Одно дело, когда выступают в роли свободного охотника. Совсем другое дело, когда она сама оказалась под прицелом.

– Эй, Украинка! – угрюмый бородач с зеленой повязкой на лбу бесцеремонно дернул ее за армейский ботинок. – Тебя Али зовет.

Недовольно выругавшись, Леся резко повернула голову вбок, чтоб высказать парочку ласковых слов посылному, невольно приподняла, вывела на линию огня свое правое плечико.

– Уйди, не мешай! – сердито сверкнула она глазами.

В перекрестии его оптического прицела, выдвигаясь из-за укрытия, неуклонно выросло женское плечо. Майор, понимая то, что второго такого шанса может больше не выпасть, плавнo надавил своим пальцем на спусковой крючок СВД. Раздался звонко хлесткий звук выстрела. Одновременно в предплечье офицера мягко толкнуло пудовой отдачей.

– У-у-у! – Леся схватилась за больно ужаленную руку. – Мазила! – презрительно поджала она тонкие нервические губы. – Промазал...

Не сомневаясь в том, что он попал, майор, точно прицелившись, выстрелил еще разок, спонтанно намереваясь вывести из строя само оружие наемницы, окончательно выбить ее, отправить на отдых.

Когда вторым выстрелом разбило оптический прицел винтовки, до Леси обвалом дошло, что федерал по ней не промахнулся, а метил ей специально в плечо, умышленно сохраняя тем самым ей жизнь.

– Ы-ы-ы! – жгучие слезы бессилья брызнули из ее глаз.

Взбешенный иорданец приказал подтянуть минометы, что доставил с собой подошедший к ним на помощь отряд полевого командира Саида абу Ахмеда. Через десять-пятнадцать минут суетливой возни две 82-мм трубы открыли огонь полупрямой наводкой.

– Эй, шайтана, лови подарка, да! – скалил зубы минометчик.

Первые мины далеко перелетели, разорвались внизу, в ущелье. Ибо, не имея таблиц стрельбы, боевики устанавливали прицел наугад.

– Прицела больше десять...

Наверху, там, на высоте, протяжно ухало частыми выстрелами. Внизу же, в узком ущелье, через несколько секунд гулко отдавалось скачками приближающимися к дороге спаренными разрывами.

– Прицела больше двадцать...

Майор-артиллерист прекрасно понимал, что еще через пару-тройку скачков мины начнут взрываться на их позиции.

Выбрав подходящее укрытие, он прикрыл глаза, возвращаясь в то время, когда все в его жизни, казалось, пошло не так, наперекосок, когда он оказался у края пропасти, как сейчас. И причиной тому стали серые глаза одной милой красавицы по имени Марина. Рина-Рина...

Оскольно-фугасные 82-мм боеприпасы рвались на каменистой почве. Они почти не оставляли воронок, выбрасывали вокруг себя сотни рваных смертоносно жалящих осколков. Перед самым штурмом боевики решили окончательно стереть с лица земли оставшихся в живых бойцов из федеральных сил. Мин они не жалели, лупили и лупили...

Пережидая огневой налет, майор, с удобством устроившись возле подбитой БМП, сидел в каменной нише, созданной самой природой, сумрачным взглядом окидывал ставшую для них западной дорогу.

Разрывы то приближались к нему, то они удалялись, основательно перепахивали дорогу, безжалостно крушили и ломали технику, приводя в полную негодность то, что еще недавно представляло собой колонну.

Тыльной стороной кисти майор устало вытер со лба сочащийся пот, перемешанный с пороховой гарью и пылью. Колонны их больше не существовало, обстоятельства ее окончательно списали...

4

Грязно-желтая ящерица замерла. Двумя изумрудами поблескивали ее яркие глаза. Длинный хрящеватый хвост, найдя подрагивающую в зное тень, растворился посреди осыпающихся песчинок. Узкий язык, ловя слабый ветерок, медленно сновал из стороны в сторону. Кожные чешуйки рептилии раскрылись, насыщая тело микроскопической влагой.

Тощий тушканчик застыл ушастым пограничным столбиком. Он с пригорка наблюдал за тем, как на открытой площадке копошились странные существа, рыли ямы, обкладывали окопы дерном.

– Шевелись, салага! – подтрунивал над молодым солдатом сержант с бронзовым загаром на лице. – Чем глубже твой окоп, тем в большей безопасности находится твой драгоценный зад...

Укрытые маскировочными сетями замерли самоходные 152-мм гаубицы 2С19 «Мста-С». Хищно выглядывали их выкрашенные изнутри в красный цвет щелевые дульные тормоза.

– Поддай ключ на двадцать семь! – донеслось из люка. – Кончай, очкарик, носить компрессию ведрами...

Чумазы механики-водители обслуживали ходовую часть САУ на базе танка Т-80, осматривали двигатель марки В-84А, работающий на шести видах топлива. Они проверяли натяжение гусениц, оснащенных резинометаллическими шарнирами и обрезиненной беговой дорожкой.

– Зараза такая! Оптическая ось прицела потрескалась! – картинно сокрушался наводчик второго орудия, тоннами вешал лапшу на уши неопытному и неискушенному в их тонкостях заряжающему.

Расчеты ковырялись в башнях орудий 2А64, проверяли боезапас, механизмы заряжания, конвейеры для подачи боеприпасов с грунта.

– Эй, не спать! – старший лейтенант заглянул в открытый люк. – Солнце еще высоко! Неграм на плантации отдых не светит...

На небольшом удалении выделенные из составов огневых расчетов бойцы разгружали машину с боеприпасами.

– Осторожно, мать твою...

– Как долбанет, вмиг до Америки «рыбкой» долетишь...

Отдельно они выкладывали осколочно-фугасные снаряды ЗОФ45 с дальностью стрельбы на 24700 метров и активно-реактивные снаряды ЗОФ61 с радиусом поражения до двадцати девяти километров.

– Выложить возле орудий...

В походной палатке-шатре с красными крестами в белых кругах сестричка Настенька накладывала повязку на рану бойца.

Солдата из боевого охранения задело, когда ребята возвращались с передовых позиций. Санек подорвался на противопехотной мине в поле, где еще накануне все представлялось «стерильно» чистым...

– «Чехи» совсем нюх потеряли! – начальник штаба дивизиона возмущенно стукнул кулаком по откидному столику. – Скоро у нас по огневой позиции начнут шастать, как у себя дома! Хан вернется, головы всем открутит, скажет, что так и было оно от рождения...

Корчась от боли, боец расширившимися глазами взирал на свою туго перетянутую резиновым жгутом ногу, на раздробленный обрубок ступни, которая по воле злого рока осталась без пальцев.

– Потерпи, миленький! – чуть не плача, уговаривала его сестричка, доставая одноразовый шприц-тюбик. – Потерпи же, Санек! Все будет хорошо! Ты еще на свадьбе станцуешь! – натянуто улыбалась девушка.

Кровотечение из раны заметно замедлилось. Но темно-бурое пятно на повязке расплывалось, густо пропитывая ее тошнотворно пахнущей массой. Нечеловеческая боль отразилась в мелко подрагивающих глазах солдата. Санек все порывался сказать, но никак не решался. Он боялся умереть и никогда не познать, не увидеть великое таинство...

– Ты мне... покажи! – через силу разлепились его побелевшие и потрескавшиеся губы. – Никому не скажу! Помру, останется мне, что на том свете вспоминать...

– Типун те на язык! – всполошенно вскрикнула Настенька, а сама быстренько оглянулась на зашторенный вход.

Торопливые девичьи пальчики со следами бывшего маникюра на коротко остриженных ногтях со стыдливой неловкостью расстегнули непослушные пуговицы, широко распахнули ворот.

– Смотри! – отчаянно выдохнула девушка. – Ты еще поживешь! Не смей думать о смерти! Я еще приеду к тебе на свадьбу!

Шершавыми подушечками огрубевших на войне пальцев солдат опасливо дотронулся до нежной плоти, коснулся сморщенного соска. По его обветренной щеке одиночно покатила благодарная слеза.

– Терпи, Санек! Терпи!

– Я терплю...

Подавшись вперед, девушка вслепую нашла сильно искусанные губы бойца, целомудренно прижалась к ним...

Подкатила «санитарка». Глядя на страдальческое выражение лица раненого солдатика, Настенька привела себя в порядок и приоткрыла полог палатки. Бойца уложили на носилки.

– Все будет хорошо... – сестричка махнула рукой на прощание.

В ней жила уверенность, что в госпитале врачи проведут операцию, спасут то, что осталось от безобразно изуродованной ступни.

Саньку еще невероятно повезло. Лишь краешком носка армейского сапога наступил он, а не навалился пяткой, всей ее тяжестью, на мину. Успел солдатик ногу свою чуток приподнять, пока не сработал под ним взрыватель. Оттого и вся мощность заряда пропала почти вхолостую, растворившись в мягкой пустоте воздушного пространства.

Возле ПУОД – пункта управления огнем дивизиона толпились бойцы с миноискателями и шупами. Начальник штаба приказал выслать группу на разминирование местности и всех проинструктировал:

– Обнюхать мне каждую подозрительную кочку. Ощупать каждый сантиметр. Вперед, дети подземелья!

Отправив бойцов, капитан зашел в медпункт. Настенька сидела на кровати и плакала, уткнувшись лицом в подушку.

– Это война, Настенька! Ничего тут не поделаешь, – офицер мягко дотронулся до девичьего плечика.

– Он звал меня замуж! – сквозь слезы произнесла сестричка.

В серо-голубых глазах капитана промелькнуло нечто, жутко схожее с муками скрываемой ревности. Он, помолчав, отрывисто спросил:

– А ты?

– А я ему ответила, что я люблю нашего майора! – девичьи очи широко распахнулись. – Я люблю его, люблю!

Резко поднявшись, начальник штаба шагнул к выходу. У порога он остановился, повернул к сестричке голову:

– Хан наш женат. У тебя нет ни единого шанса. Он до дрожи в пальцах любит свою красавицу жену. И даже не мечтай...

Почувствовав себя так, будто ее окатили ушатом холодной воды, Настенька вскочила, вытянула к нему протестующие руки:

– Юра! Ты все врешь! Ты нарочно мне про якобы его жену сказал! Потому что ты сам любишь меня! Это же нечестно! Нечестно...

Поймав ее надломленные ладошки, капитан дотронулся до них теплыми губами, пожал кажущимися безразличными плечами:

– Ты можешь мне не верить. В его личном деле есть запись. Они женаты почти пятнадцать лет...

Скучным голосом он добавил, что сам не верил в то, что подобное возможно. Но командир их дивизиона, по сути своей, уникальный человек. Таких, как их майор, на свете мало. Они, как реликты.

– Это неправда! Признайся...

– Правда...

Притянув к себе безвольное девичье тело, капитан прижал Настю к своей груди. Не зная, что сказать, офицер молчал. Он не любил кидаться пустыми словами. По воле судьбы они все оказались на войне...

Многочисленные отряды боевиков зажали и теснили федералов с трех сторон. Надежда на то, что придет помощь, таяла и угасала.

Шел второй час ожесточенного боя. Одна волна атакующих боевиков сменялась другой. Комбата тяжело ранило осколком мины. Все боевые машины давно были подбиты, выведены из строя.

В одной из них чудом оказалась исправной, еще работала рация. В эфир методично улетали доклады о том, что кольцо сжимается все туже и туже. Помощь обещали, но она не шла.

И, скорее всего, подмога вовремя к ним не подоспеет. Их осталось всего четверо, и следующую атаку боевиков им ни за что не отбить.

– Комбат, – майор подполз и наклонился к подполковнику, – скоро всему конец. Я принял решение выйти на связь с моим дивизионом и подать команду на открытие огня по нашей позиции.

Отодвинувшись, Рэм вынул рабочую карту, принялся определять точные координаты точки их местонахождения.

– Майор, твою мать... – подполковник говорил с большим трудом, – ты что, хочешь вызвать огонь на себя? С катушек, майор, съехал? Ты хорошо подумал, прежде чем принять решение?

– Другого выхода, комбат, – жестко сжимались пересохшие губы, – у нас нет. Я не думаю, что плен окажется намного лучше.

Держа голову прямо, Рэм выдержал взгляд подполковника, не отвел в сторону свои черные глаза, наполненные тоскующей болью. Лучше им всем принять смерть, чем выносить измывательства изуверов.

– На моей же станции, майор, – подполковник попытался оттянуть неизбежное, – нет волны твоих артиллеристов.

– Не проблема, комбат. Дело всего двух минут...

Усмехнувшись, Рэм пополз к командирской БМДешке и залез в полуобгоревшую машину. Настроив радиостанцию в подбитой БМД на частоту своего дивизиона, майор нажал на тангенту:

– «Дон», «Дон», я, «Урал»...

Из установленного на ПУОД динамика громкоговорящей связи вырвалась команда. Капитан скачками помчался к машине управления, ловко запрыгнул на свое кресло, торопливо протянул руку к телефонной трубке. Пока он устраивался и суетился, эфир снова затрещал:

– «Дон», я, «Урал». Прием...

– Голос Хана, – начштаба удивленно моргнул. – Откуда? Он же у нас выехал с колонной...

Расчет машины замер, напряжение достигло предела.

– «Урал», я, «Дон»! – скороговоркой произнес капитан, как будто очнувшись от летаргического сна.

В ответ они услышали ровный голос командира дивизиона, словно тот стоял вблизи от них, всего в двух-трех шагах:

– Понял... слышу вас хорошо... «Дон», стой! Цель одиннадцатая, пехота, триста на двести, икс..., игрек..., высота..., внакладку, огневой налет десять минут, расход 144. Готовность доложить. Я, «Урал».

Вычислитель наклонился над прибором, нанес точку на карту.

– Ущелье Шайтана рядом с высотой 1147, – испуганно моргнул он, докладывая. – Дорога между ними...

Начштаба схватился за карту, напряженно всмотрелся в нее, будто хотел в ней, как в зеркале, увидеть то, что происходило там, на дороге.

– Их зажали в тиски... Хан вызывает огонь на себя...

Направленные локатором девичьи ушки все мигом просекли.

– Юрка! – сестричка ворвалась в салон машины управления огнем дивизиона. – Ты не посмеешь туда стрелять! Там наш майор! Ты убьешь его! Юра!!! Я тебе этого никогда не прощу! Так и знай! Никогда!!!

– Кто? Кто пустил ее? – капитан растерянно оглянулся. – Это война, Настенька! На войне приказы не обсуждают, а их выполняют! Уберите ее! К черту! К дьяволу! Куда угодно! Уберите ее!!!

Старший радиотелефонист, пряча глаза, под руки вывел девушку. Дверца тут же захлопнулась, отделив расчет от всего мира. Шла боевая работа, и ничто не в силах было помешать выполнению поставленной им боевой задачи.

– Дальность до цели свыше двадцати четырех километров, – сухо доложил вычислитель, – близка к предельно максимальной.

– «Дон», стой! – капитан вошел в связь с батареями дивизиона. – Цель одиннадцатая! Пехота! Триста на двести! Активно-реактивными снарядами, зарядание с грунта...

Секунду-другую Рэм смотрел перед собой ничего не видящими и отрешенными, безжизненно потухшими глазами.

– Майор, а они успеют? – подполковник зашевелился, услышав, как пошла команда. – Смотри, поднялись. Начинается...

– Успеют, – комдив сосредоточенно кивнул головой.

Достав из нагрудного кармана кожаный бумажник, он вытянул из него фотографию. Увидев на снимке женщину, комбат захрипел:

– Майор, твоя жена? Красотка. Как ты от эдакой шикарной бабы на эту бойню утек? Она знает, что ты здесь?

– Нет, – Рэм до боли прикусил нижнюю губу.

Своим решением поехать на войну он сильно все запутал. Не все так легко и просто объяснить. Да и большого смысла в том не имелось.

– Нет? И что твоя баба вякнет, когда прознает? – подполковник перевернул фото и прочитал надпись:

«Помни всегда обо мне. Твоя Звездочка».

– Вы что, сохли друг по другу?

– Мы и сейчас любим... – с затаенным чувством произнес майор.

Мгновенная боль перекосила все его лицо, и Рэм, поморщившись, забрал снимок, принялся торопливо набрасывать прощальные слова:

«Прости меня, Звездочка, за то, что я тебя оставляю. Но иначе я поступить не мог. Твой...».

– Майор, ты боишься смерти?

Не раздумывая, Рэм коротко ответил:

– Нет.

– Почему? – глухо прохрипел подполковник.

Серый глаз комбата, испытывая, прищурился. Почему одни боятся прихода старухи с косой, а другие – нет? Отчего все так происходит?

– За нею одна пустота, – Рэм отрешенно качнул головой. – Там ничего нет. Поэтому и бояться нечего. Больно осознавать то, что здесь остаются те, кому нас будет очень не хватать. Именно им, а не нам станет плохо. Но нам того никогда не узнать. Блажен тот, кто не ведает.

Последние минуты затишья. Память майора толчками выталкивала наверх все самые важные, запомнившиеся моменты из его, по сути, еще недолгой жизни. И почти везде рядом с ним шагала Она. Все самое лучшее в его жизни связалось с Нею. Что же станет с Нею, когда Она обо всем узнает? К сожалению, ему этого знать, увы, не дано...

Рэм закинул голову назад. Высокое, чистое, голубое небо. Горный воздух всегда особо прозрачен. Красивое небо, но оно чужое. Все в этих горах чужое. И война идет совершенно непонятная, не его, чужая.

«Что-то ты заблудился, майор», – укорил он сам себя.

Что движет им? Во имя чего все это? Честь, совесть, долг?

Но где же, хотелось бы ему знать, сторожко прятались эти понятия у деятеля, за семь лет своего правления успевшего столкнуть великую страну в глубочайшую пропасть? Шаг за шагом целенаправленно и, по сути, преступно Генсек шел на любые уступки американцам, разоружал страну, разваливал и уничтожал самую боеспособную часть армии.

А чем, пусть честно ответят, руководствовались в своей жизни три удельных князька, всецело захотевших повластвовать самостоятельно, безо всякой вороватой и пугливой оглядки на верховного правителя?

Жаждали путчисты иметь под своей рукой собственные самолеты со своими гербами и штандартами. Вожделили они, чтоб встречали их повсюду как глав суверенных государств, немного и немало...

Незаконно, грубо поправ суверенную волю собственного народа, однозначно пожелавшего жить в Союзе, пусть и сильно обновленном, но жить всем вместе, одной и единой семьей, эти деятели безжалостно, разрезая по живому, развалили великую страну.

Выходит, что не в почете у них понятия: *Честь, Совесть, Долг...*

Остается любовь к Родине. Любовь к Родине. А где его Родина? В Казахстане? Там он родился и пошел в первый класс. Но его сейчас ничто не связывает с той далекой и совсем чужой страной.

Или, может быть, на Украине. Там, где он стал тем, кто он есть. Там осталась и Она. Но он и на Украине чужой. Там он клятый москаль. В том мире с его взглядами на жизнь – там ему места нет.

Может, его настоящая Родина все же в России. В России он учился и вырос. Тут все его исторические корни. В России жили и живут его и Ее родители, брат Марат... «С чего начинается Родина...»

А еще частичка его души рвется в Белоруссию. Стремится она туда, где живут близкие и даже родные ему люди. В самом Минске живет женщина, которая ему сильно дорога. У Рины растет девочка с такими же глазами, как и у него. Там забавно ходит мальчик, очень на него похожий, и смотрит на всех своими удивленными глазенками. Но и в тот мир он не вписывается. У Рины совсем другая семья.

Смешно. И одновременно ему почему-то хочется плакать.

Он – сын одной большой и великой страны, страны, которой более нет. Выходит, и Родины у него также нет? Что же осталось у него?

Видно, у него остается лишь одно. Долг перед пацанами, что лежат вокруг него без признаков жизни. Кто-то их всех предал, кто-то их сдал. У высоты их ждали. Вне всякого сомнения, ждали именно их.

Врагам позарез понадобились документы, те самые, что вез с собой комбат. В руки боевиков могут попасть такие сведения, которым просто нет цены. Поэтому их колонна и угодила в коварную западню.

И хитрый капкан устроил человек из своих. Продажные правители. Продажные люди. Продажная война. Но ничего, и он дорого продаст им свою жизнь. Не один десяток наемников отправится вместе с ним на тот свет. Там они, должно быть, еще и поговорят.

Другой вопрос, имел ли он право на этот шаг. С десяток раненых, которые еще дышат, ожидает неминуемая участь. Своим решением он уравнивал их с мертвецами. Но они, по большому счету, давно не жильцы на этом свете. Их всех поджидает мученическая смерть от рук изуверов и нелюдей. Из двух зол он выбрал, на его взгляд, не самое худшее.

Еще несколько томительных минут, и потом разом все закончится. Всепоглощающая любовь к Женщине, и невозможность жить рядом с Нею. Душевные страдания и тщетные метания в поисках утраченного смысла жизни. Там, куда они все попадут, ничего нет. Его истерзанная душа, наконец-то, вырвется на свободу, растворится в Вечности.

Неторопливо повернувшись налево, майор пристально посмотрел на лейтенанта, лежавшего в неглубокой нише. Юноша. Года не прошло, как нацепил тот на погоны офицерские звездочки.

– Ах, Егорушка-Егорушка! – широкая ладонь Рэма коснулась посереженного лица лейтенанта. – Не смогли мы тебя уберечь...

Лейтенант Стольников умирал. Дрожащая тень приближающейся смерти накрыла Егора своим прозрачным покровом. Парень трудно дышал, хрипел. Возле уголков его губ пузырилась розоватая пена.

С потоком свистящего воздуха тяжелые бурые сгустки вырывались из его горла. Они вылетали все реже и реже...

– Эх, Егорушка! Прости ты нас... – майор рукавом смахнул слезу.

Рэм приказал комбата и всех раненых обложить бронежилетами. Бойцы поняли, накрыли своего командира, еще дышащих товарищей и ушли искать какое-нибудь подходящее укрытие и для себя. Цепь из разноязычных боевиков все сжималась, подходила все ближе и ближе. Стали доноситься отдельные отчетливые выкрики.

Майор прищурился. Не надо торопиться. Стоит ему еще выждать. Когда оставалось метров сто, Рэм поднес к себе трубку:

– «Дон», я, «Урал», цель одиннадцатая... огонь!

Вот и все. В запасе у него имелось чуть меньше минуты, чтобы успеть спрятаться под ближайшим выступом скалы.

Его дивизион, как хорошо отлаженный механизм, сработал четко и не подвел своего командира. Через сорок секунд началось...

Будто по единой команде разом взревели и застучали мощные V-образные 12-цилиндровые высокоскоростные четырехтактные дизеля жидкостного охлаждения мощностью 840 лошадиных сил. Сизые дымки поднялись над пятнами маскировочных сетей...

Залп одной батареи, второй, третьей. Кровавое месиво. И никуда от возмездия не убежать и нигде не спрятаться. Где разорвется очередной снаряд, одному лишь Богу известно, да разве что нормальному закону распределения случайной величины, тому, что командир дивизиона в свое время когда-то учил и знал о таком вообще не понаслышке....

Накрывшись бронезилетом, майор вжимался в каменную стенку, хорошо понимая, что все его потуги – одно лишь слабое утешение. Но это был единственный шанс уцелеть от своих же разрывов. Если вокруг него свистит, то, значит, снаряд пока мимо, мимо него летит...

Его мозг, скорее, машинально успел запечатлеть, что очередной свист оборвался на половине ноты. Вот оно и летит по его душе.

Ослепительно яркая вспышка, и за ней мгновенно последовала крошечная тьма. Звук разрыва даже не успел достичь и достучаться до его сознания. Оно отключилось чуть раньше, едва он произнес:

Прости меня, родная,
Прости, любовь моя...

Огневой налет длился десять минут. Потом все стихло. Капитан достал из-под сиденья помятую солдатскую фляжку, не глядя, плеснул себе в алюминиевую кружку.

– Я выполнял приказ... – потерянным голосом произнес он.

Трясущейся рукой начштаба поднес походную посудину ко рту, залпом опрокинул в себя обжигающую жидкость, закашлялся.

– Вы! – девушка прорвалась к ПУОД. – Вы убили его! Вы...

В воздухе послышался рокот. Одна за другой три винтокрылые машины сели на относительно ровной площадке.

– Как раненого с поля забрать, их не докричишься, – проворчал старший офицер второй батареи. – А тут они как тут! Налетели, и полдня не прошло. Без зова сами по себе явились...

– Как черти с того света заявились...

– Сейчас начнется Вальпургиева ночь...

Еще не осела пыль, как на пункте управления огнем дивизиона заштормило, будто их всех накрыло шквалистым ураганом-торнадо.

– Кто, кто тебе дал команду стрелять? – генерал Буров тряс за грудки начальника штаба дивизиона. – Всех под трибунал отдам! Все ответите! Приказ по Группе: огня сегодня не открывать!

Недобрые и враждебно колючие глаза высокого начальства цепко ощупывали стоящих перед ним младших офицеров, искали виноватого и крайнего. Бывало, что и тот и другой находились в одном лице. Но чаще всего виноват был один, а крайним упорно делали совсем другого.

– Команду мне подал командир дивизиона, – упрямо набычившись, доложил капитан, готовый до самого победного конца отстаивать свою правоту. – Запись стрельбы велась...

– Кто командир дивизиона? – шагнув вперед, въедливо затребовал генерал. – Фамилия!

– Майор Валишев, – с кислой миной на лице подсказал Бурову сопровождавший его полковник из штаба Группировки войск.

Высокое начальство, припоминая, прищурило глаз:

– Знакомая фамилия.

– Тот самый майор, – недобро усмехнулся полковник из ФСБ, – которого дважды представляли к ордену Красной Звезды и потом оба раза с треском отставляли назад...

По одному ему ведомой причине Пестиков не уточнил, что именно он оба раза оказал тому самое непосредственное содействие. По ряду веских причин, о которых, кроме него самого, никто не знал.

Недолго думая, Буров приказал:

– Ко мне его! Доставить живым или мертвым!

– Комдив, – начштаба едко усмехнулся, – с колонной у Шайтанова ущелья. – Слетайте, заберите. Живого или мертвого. Если там что-то еще осталось. Дивизион вел огонь по дороге...

– Вы за все ответите...

Круто развернувшись, Пестиков направился к вертолету. Лицо его выражало крайнюю степень озабоченного недовольства.

– Борис, что там? – горланно спросил его сидевший в салоне Ми-8 мужчина в темных очках с аккуратно подстриженной черной бородой, прикрывающей длинный шрам от ножевого пореза.

Не отвечая, полковник потянулся к лежащей на сиденье фляжке и отвинтил пробку. Глубоко вдохнув, Пестиков отпил большой глоток. Его поставили в неудобное положение. Он заверил, что все находится под контролем. Люди ему поверили...

– Слушай, а, – в голосе кавказца зазвучало нетерпение, – зачем они стрелял? Куда они стрелял, а?

По тому, как Пестиков упорно молчал, эмиссар непризнанного Чеченского правительства Омар Тахоев понял, что ситуация вышла из-под их контроля. Возникли непредвиденные обстоятельства. И это ему крайне не понравилось.

– Ты ж говорил, да, – яростно зашипел чеченец, брызжа кипящей слюной, – колонна идет маленький, голый рукой можно брать...

– Омар, я все сделал, как и обещал... – полковник поморщился.

По указанию Пестикова прошла команда. Спешно собрали колонну. Он предусмотрел, он принял все меры для того, чтобы сопровождение, разведка маршрута и все обеспечение безопасности при прохождении опасного участка скомкались, выполнены не в должной мере.

– Мы платить большие деньги, а ты... – черные глаза, с которых эмиссар снял темные очки, вмиг превратились в два бурильных станка, дырявящих полковника ФСБ насквозь.

Омар презирал хамелеона в погонах, готового за деньги предавать свою Родину. Люди, подобные Пестикову, служили не родной стране, а своему Хозяину. За хорошую мзду они, пользуясь своим положением, торговали государственными тайнами, человеческими жизнями...

– Молись своему русскому Богу, полковник, чтобы наши люди успели забрать документы...

Вернулись назад посланные на разведку бойцы с миноискателями и шупами. Со всей осторожностью они выкладывали находки. Возле САУ копошились орудийные расчеты. Они накручивали банники на штанги и приступали к чистке, к «пробивке» стволов соляркой, пока круто не «прикипела», не въелась пороховая гарь в структуру легированного металла. Жизнь продолжалась, она ни на секунду не останавливалась.

В походной палатке-шатре навзрыд рыдала Настенька. Она любила майора. Горе ее казалось безутешным. Существование без командира дивизиона представлялось ей совершенно бессмысленным...

Отстранив начштаба дивизиона от командования, генерал Буров забрал капитана с собой. Железные «стрекозы» оторвались от земли. Через пять минут они зависли над Ущельем Шайтана.

Откинув голову назад, Пестиков прикрыл глаза. Снова на его пути встал Валишев. Кажется, в первый раз они схлестнулись уже в далеком от них восемьдесят шестом году...

И именно после той самой памятной встречи все в его жизни пошло наперекосяк. Будто черная кошка дорогу ему перебежала...

Не прошло и двух месяцев, как торосами нагромоздились крупные неприятности на работе. Жена бросила его. Ушла Клара Карловна к его непосредственному начальнику. Дрянь такая, мразь неблагодарная...

Любимая им до беспамятства женщина покинула его и забрала с собой сына Володьку, оказавшегося вовсе и не его родным чадом...

Его не понизили в звании и в должности, а отправили работать на периферию. И лишь случившийся вскоре Великий Развал позволил ему вынырнуть, как поплавку, вновь оказаться в обойме. Он затесался среди тех, кто с видимой охотой и живым увлечением удил рыбку в мутной водиче творящегося всюду беззакония и царящего кругом беспредела.

Постепенно затянулись рваные душевные раны. Все свои чувства, накопленные годами и ни на кого не растраченные, Борис направил на повстречавшуюся ему несколько месяцев назад чудную сестричку из армейского госпиталя. Инга до боли напоминала ему жену Клару...

Задумчивая складка пролегла через весь девичий лоб. Красиво очерченные губки то сжимались, то чуть приоткрывались.

На кукольном личике русоволосой красавицы отпечаталась легкая тень неопределенности и жгучего желания постичь тайну того самого, что ожидало ее в будущем, весьма близком и достаточно отдаленном.

– Ну, вышла я замуж... – протянула Инга. – И что дальше?

Вовсе несправедливый вопрос прочно завис в воздухе. Лишь одно для нее виделось однозначным и не подлежащим сомнению: Пестикова она, увы, не любила и ждала ребенка вовсе не от него...

Противно зажужжал зуммер полевого телефона. Нехотя протянув руку, Инга со страдальческим выражением на своем ангельски красивом личике, подняла трубку, поднесла к уху.

– Полковник у себя?

– Нет, он встречается с каким-то важным чеченцем. Тахоев Омар, если мне не изменяет память...

На том конце провода замолчали. Инга пожала плечами. Отныне ей придется всю жизнь прожить с человеком, которого она не знала и не могла понять, хотя и не считала себя по жизни полной дурочкой. Порой ей явственно казалось, что Борис ведет двойную игру...

5

Начальник отдела департамента Министерства Внутренних Дел одного из новых суверенных государств, в предостаточном количестве появившихся на территории бывшего СССР, пани Дворжецкая, зашла домой и скинула с себя парадный мундир с новыми полковничьими погонами. На днях получила она очередное звание. Конец мая, а на улице невыносимая жара. Не раздеваясь, женщина опустилась в кресло.

– Меня ни для кого нет... – глухо произнесла она.

Десятилетняя дочка оторвалась от книжки, посмотрела на мать.

– Мама, что с тобой? – девочка удивленно моргнула. – Тебе плохо? На тебе же лица нет.

Откинув голову, большой милицейский начальник с накопившейся усталостью и с прорывающейся глухой раздраженностью, казалось бы, в безразлично потухшем голосе вяло проговорила:

– Что-то, Настенька, мне как-то нехорошо. Духота. И на душе что-то совсем неспокойно. От папки нашего что-то давно ничего нет.

– Мама, а ты его еще любишь? – не по-детски серьезно спросила дочь, присев возле матери.

Женская рука опустилась на девичью головку. Дина со щемящей жалостью и к дочке, и к самой себе ласково погладила девочку:

– Люблю, Настенька, очень я его люблю. И он нас очень любит. Лучше нашего папки на свете никого нет.

– А почему же он, мама, не живет тут с нами? – с обидой в голосе допытывалась девочка. – Зачем он уехал? Ему что, с нами было плохо?

– Нет, доченька, ему с нами хорошо, – глаза у Дины затуманились и подернулись радужной пленкой. – Но здесь он никак не мог найти себе места. Его беспокойная душа мечется в поисках утраченного смысла жизни, не дает ему покоя. Он пытается найти себя в этом новом мире...

Закрыв глаза, женщина тяжело вздохнула. Никак не могла понять она, почему ей так тревожно и неспокойно. Может, сердце чувствует, что с ним что-то не так? Не дай-то Бог! Где он, что с ним?

... – Ма, ма! Дивись-ка, ма! Москали тату показывают! – Настя от охватившего ее волнения невольно перешла на державну мову.

Монотонный голос диктора без всяческого выражения буднично зачитывал телетекст, появляющийся перед ним на экране монитора:

– ... По показаниям взятых в плен боевиков акция спланирована заранее и преследовала единственную цель захвата важных документов, содержащих сведения, являющиеся предметом государственной тайны, о дислокации группировки войск, расположенных в данном районе...

По всей видимости, бандитов заранее оповестили о маршруте и о времени прохождения колонны. Специалисты отмечают целый ряд вопиющих упущений, приведших к ужасной трагедии...

По их мнению, не было выделено авиационное обеспечение. В ходе проводки военной колонны недостаточно велась разведка прилегающей местности с использованием пеших боевых дозоров в наиболее опасных местах. Не осуществлялось также выставление на наиболее опасных участках боковых сторожевых застав, а также занятие выгодных высот на всем маршруте движения...

Неравный бой длился около двух часов. Наши бойцы отбили не одну и не две атаки превосходящих их по численности боевиков...

В самый последний момент командир гаубичного дивизиона, в зоне ответственности которого находится прилегающий участок местности – активно выясняется причина, по которой он оказался в составе колонны – принял, на его взгляд, единственно верное решение...

Майор Валишев подал команду своим батареям и вызвал их огонь прямо на себя. Сотни боевиков – количество их постоянно уточняется – нашли в ущелье свой бесславный конец. Около сотни бандитов взяты в плен ранеными. Количество наших потерь подсчитывается. Все раненые бойцы отправлены по госпиталям. Несколько человек до сих пор еще не опознаны. Вот перед вами фото, найденное у одного из них...

– Мама! – воскликнула девочка. – Мама, это же твоя фотография!

– Господи! – надрывно охнула пани Дворжецкая.

Дина хорошо помнила снимок, который нравился ее мужу больше всех остальных. Сама же она и подписала его.

«Прости меня, Звездочка...», – читал голос за кадром.

– Рэмка! – глухо простонала женщина. – Дорогой мой! Что же ты наделал? Что же ты наделал, любимый мой!

Женские глаза непонимающе раскрылись. Как, как же он мог так поступить с нею? Уехать на войну и ничего ей об этом не сообщить.

– Господи! Зачем, зачем ты, Рэмка, сделал это?

Голова раскалывалась от резко пульсирующей боли. Дина зажала виски ладонями. Это был конец. В глазах потемнело, и течение времени для нее остановилось. Он снова ушел. Он снова ушел от нее! Ушел, как и одиннадцать лет тому назад. И нынче ушел он навсегда.

Все у них повторилось. Только нынешний результат несоизмерим и ужасен. Чертов третий закон диалектики! В их мире все развивается по спирали. Все повторяется, но на более высоком уровне развития. Снова к ним в дом пришла беда. Но на этот раз она ужасна и неисправима.

– Рэмка-Рэмка, и зачем только я отпустила тебя? – стены поплыли по кругу, ноги стали ватными, и Дина провалилась в темноту.

Мимо ее сознания прошло то, как Настя звонила, вызывала по телефону «Скорую»...

Глава вторая

Вверх по ступенькам

1

Генерал Федорчук медленно прохаживался по своему кабинету. Он не знал, что ему сказать. Он затруднялся найти слова утешения для той женщины, которую любил все эти годы, но ни разу в этом не признался, боясь нарушить ее счастье с тем, которого уже нет и никогда не будет.

– Олег Михайлович, пойми, я не могу не ехать.

– Конечно же, Дина, ты поезжай...

Суматошные сборы. Кто-то и что-то ей все время твердил. Но она, кажется, ничего толком не воспринимала. Все мысли ее были уже там.

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет выполняет свой рейс по маршруту Киев – Краснодар... Просьба... пристегнуть всем ремни.

Щелкнув замком ремня, Дина устало откинулась на спинку кресла. В ушах до сих пор, ни на секунду не переставая и ничуть не затихая, звенел и тоненькими молоточками стучал удивленный голосок дочери: «Ма, ма! Дивись-ка, ма! Москали тату показывают!».

Перед глазами неотступно, то приближаясь в упор, заполняя собой все пространство, то удаляясь, мелькало фото на очерченном рамкой телевизионном экране. Ее взбудораженное сознание методично буравило механический голос за кадром: «Прости меня, Звездочка, за то, что я тебя оставляю. Но поступить иначе я не мог. Твой...».

Она тяжело вздохнула. Иначе он не мог... Не мог он! Ее муж всегда поступал так, как велела ему в тот момент его же совесть. Рэмка-Рэмка! Но как же, подумалось Дине, со всем этим быть им, ей и Настеньке?

Как быстро пролетело время. Десять лет прошло, промчалось с тех пор, как они вернулись из Германии. Вернулись они, незадолго перед этим помирившись после чудовищно глупой ссоры, которая могла еще в то время их навсегда разлучить. Тяжкой беды не случилось. Родилась Настенька, и Рэм приехал к ним, возвратился к ней...

«Здравствуй, наш Город! Мы вернулись!» – набрав грудью воздуха, выкрикнула Дина во весь голос, воскликнула изо всех своих сил.

Ослепительно яркое южное солнце с непривычки заставляло их то и дело замуривать глаза и отворачиваться в сторону. Даже маленькая Настенька сразу уловила случившуюся перемену и все пыталась своей ручонкой безуспешно заслониться от назойливо жгучих лучей.

– Стой, слезай, расцепляй... – вполголоса проворчал муж.

С усталой обреченностью в глазах Рэм тупо смотрел на выросшую на перроне горку различных размеров вещей. Две пересадки: в Бресте и в Киеве он с немалым трудом, но еще как-то выдержал. Там все ж ему полегче пришлось. Их багаж потребовалось всего-навсего переместить с одной платформы, на которой высадились их семья, на другую.

Оставляя жену с ребенком и вещами на месте, где они выгрузились, он бежал в кассы компостировать билеты на следующий поезд.

И только потом всезнающие носильщики перевозили их со всем скарбом и доставляли точно к месту, где откроются двери именно того самого вагона, который им был потребен. К сожалению, по их южному городу вокзальные тележки у них пока еще не ездят. Не тот случай.

– Рэмка, ты не беспокойся, – Дина ободряюще подмигнула вконец расстроенному мужу. – Сейчас мы все устроим по высшему разряду.

На этот раз его оставили торчать на перроне. Не раздумывая, Дина напрямик направилась в дежурную часть линейного отделения милиции при вокзале. Прошли не больше трех месяцев, как она уехала, и ее еще все хорошо помнили и потому охотно соединили.

– Олег Михайлович... здравствуйте... да, я... мы вернулись... насовсем... на вокзале... да, с вещами... хорошо, будем ждать, – Дина положила трубку на место и благодарно одарила всех присутствующих своей лучезарной улыбкой. – Спасибо, мальчики...

У нее было прекрасное настроение. И отчего бы ей не радоваться, если она вернулась к себе домой? Не одна, а с мужем и с дочкой...

Дежурный Уазик примчался минут через пять. Глядя на веселых бойцов, на их довольные ухмылки, Рэм подумал и, скорее всего, угадал, что ребята, пользуясь своим положением, включив сирены, прошлись против плотно несущегося потока дороги с односторонним движением. Проскочили с ветерком сотрудники отдела через всю площадь Ленина, где движение автотранспорта и вовсе всем запрещалось, и поэтому-то добрались менты до вокзала невообразимо быстро.

По пути остановились они возле отдела. Всего на одну минуточку забежала Дина к своему шефу, а Рэм, заполучив ключи, направился в гараж выгонять из бокса «тройку», застоявшуюся в отсутствие хозяйки. Доехали они до своего дома в сопровождении патрульной машины.

Через настежь открытые окна в комнаты врвался свежий ветерок, напрочь разгонял застоялый, затхлый воздух, наполнял квартиру новым смыслом их грядущего совместного бытия...

– Вот мы, Настенька, снова у себя дома. А вот, маленькая, и твоя родная кроватка. Ты еще не забыла ее? Придется снова к ней привыкать, – ласково ворковала Дина, укладывая закапризничавшую дочку.

За время переезда малышка сбилась с режима и не желала засыпать, похныкивала. Выражало дитя таким способом крайнее неудовольствие столь частыми переменами в окружающей их обстановке.

– Все, теперь, Настенька, надолго. Спи, наша маленькая радость.

– Дина, я сметаюсь быстренько в училище... – муж вопросительно посмотрел на нее. – Один моя нога еще тут, другой уже там. Ты пока без меня не скучай. Делом займись, кашку поставь, супчик свари...

– Рэм, сегодня же суббота, – она подняла на него удивленные глаза. – Ты мог бы еще один денек отдохнуть... – Дина покачала головой.

Недаром же у них говорят, что работа – не волк, в лес не убежит. И муж ее пока еще не такая большая и важная шишка, без которой жизнь в столь уважаемом учебном заведении может целиком остановиться.

– В предписании указано, что срок прибытия именно сегодня, – Рэм неуверенно пожал плечами. – В понедельник могут легко прицепиться к этому пункту и обвинить меня в том, что я опоздал на целых двое суток.

– Поступай, как знаешь, дорогой. Жираф длинней, ему видней. Но я весьма сомневаюсь в том, – женские губки иронично шевельнулись, – что там с тобой сегодня кто-то и о чем-то захочет разговаривать.

– Мое дело маленькое, – усмехнулся муж, – прибыть вовремя и доложить. Не захотят меня слушать, тем лучше, – Рэм притянул жену к себе. – Я с большим удовольствием развернусь обратно. Их проблемы.

– Иди-иди. Не буду с тобой спорить. Иди, успокой свою душу...

Недаром Дина столько проработала кадровиком, хорошо знала, что говорила. Еще на КПП Рэм встретил майора Манжеса, зама начальника отдела кадров, и на ходу показал ему свои документы.

– Хорошо-хорошо, – кадровик посмотрел на часы – явно куда-то он сильно спешил. – Придешь, Валишев, ко мне в понедельник, в девять утра. Иди, отдыхай, отдыхай, не маячь и не мозоль людям глаза...

Жизнь в училище кипела, не замирала ни на секунду. И всяк у них и каждый был занят своим делом. У кого и что лучше получалось...

Черная «Волга» начальника училища подкатила к самой столовой. Вышколенный водитель выскочил, обогнул капот, открыл дверцу, замер с подобострастной улыбочкой на губах. Осанистая фигура генерал-лейтенанта Ананьина вальяжно прошагала к «черному» входу.

На втором этаже суетливо забегали, накрывая стол в малом зале. Нарезанная ломтями, обжаренная в масле картошка, котлеты и салаты из свежих овощей. Стыдливо потел в центре стола хрустальный графин с холодненькой водочкой. Рядом с ним примостилась рюмочка...

Обслуживала их начальника Тонечка, плотно сбита женщина лет тридцати. Вся в соку. Стоит лишь ткнуть пальцем, и брызнет нектар.

– Лепота... – опрокинув в себя лафитник, Николай Александрович довольно зажмурился.

Начальственная рука вслепую нашла женское бедро и, не встречая должного сопротивления, потянулась вверх, обнажая крепкие икры...

У Тонечки имелся свой определенный, шкурный, интерес. Муж ее, Петька, оболтус же оболтусом, служил прапорщиком. Прозябал мужик в инструкторах-водителях. А вскорости освобождалось хлебное место начальника столовой. Старый-то уходил на пенсию. А потому Тонечка старалась, томно вздыхала, с готовностью подставляла тяжело налитую и бесстыдно оголенную грудь под широкую генеральскую ладонь...

В большом обеденном зале бойцы драили паркетные полы. Они, не жалея, лили горячую воду, стругали банное мыло, вениками разводили густую пену. Затем в ход шли щетки для натирки полов. Вода лилась от края до края, просачивалась вниз, собиралась под паркетом. Понятное дело, что полы исподволь гнили, но никого это особо не трогало.

– Шевелись, шевелись! Лей! – поторапливал курсантов начальник столовой старший прапорщик Гергель.

Убеленный сединой мужик понимал, что скоро его спровадят на заслуженный отдых. Хотелось ему как можно далее отодвинуть этот для него крайне несчастливый день. А потому прапор старался, чтоб во вверенном ему хозяйстве все блестело и сверкало. А после него хоть и потоп. Хай оно все обрушится и развалится. А на его век полов хватит.

– Мاستику тащи! Гуще мажь! Натирай! Веселее, хлопцы!

С тыльной стороны столовой вдруг показался суетливо семенящий человечек с большими полковничьими звездами на своих погонах.

Не останавливаясь, он с ходу взобрался на подмости, заглянул в зеленую бочку с отходами, всю просветил ее рентгеновским взглядом и издал торжествующий рык, переходящий в гневливый рев:

– Сволочи все, сволочи все! – перегнувшись по пояс, Рябченков нырнул правой рукой в дурно пахнущую массу и извлек на белый свет пригоршню соленых зеленых помидоров.

Дежурный по столовой обмер. Его прямой недогляд. Остатки пищи с курсантских столов прямым ходом шли в их подсобное хозяйство и предназначались на корм свинкам.

– Поросят мне хочешь всех перетравить? – зам начальника училища по тылу тыкал вонючим овощем прапорщику в лицо. – На «губу» посажу! Немедля перебрать! Помидоры вынести на свалку!..

– Есть! Так точно! Будет исполнено! – козырял дежурный.

Вызванный наряд со смешком лениво ковырялся черпаками в гуще, вылавливал из нее попавшие в немилость протухшие помидоры.

- Нам жрать можно, а свиньи – подохнут...
- У них желудки аристократические, не чета нашим...
- Поберегись! – донеслось из приоткрытого окошка.

По широкой трубе, идущей из посудомойки, повалила очередная порция отходов. Жизнь кипела, жизнь продолжалась...

Возле центрального перекрестка в тени высокого пирамидального клена, прячась за его широким стволом, притаился полковник Туторин.

Зам начальника училища по учебной части держал в руке блокнот и карандашик. Аркадий Константинович лично записывал всех женщин из числа служащих, кто, злостно нарушая распорядок дня, покидал свое рабочее место на пяток-десяток минут раньше, чем оно им надлежало.

Не пройдет и получаса, как зам соберет к себе в кабинет всех тех начальников, заведующих кафедрами, чьи подчиненные позволили себе уйти с работы раньше срока, и устроит им показательный разнос...

Старший прапорщик Одноволик рыскал возле КПП, третировал дежурного и дневальных. Седой комендант училища ретиво следил за тем, чтобы ни одна живая душа не покинула территорию без веских на то оснований. Он дотошно проверял внешний вид увольняемых и их документы: военные и комсомольские билеты, увольнительные записки, платки и расчески, просматривал записи в книгах увольняемых...

Широкая дорога от КПП, минуя центральный перекресток, бежала между южным входом в учебный корпус и курсантским общежитием. Упиралась она в винтовочный полигон аккурат рядом с почтой.

– Ах, Владимир Валерьянович! Вы такой галантный! – женщина, заведующая почтой, приняла букет и заперла помещение на защелку.

– Элеонора, давай мы по-быстрому. У нас с тобой мало времени, – полковник Катков решительно шагнул к своей любовнице.

Их тайная связь тянулась на протяжении двух с половиной лет. Из, казалось бы, мимолетной интрижки, завязавшейся на банкете по случаю празднования очередной годовщины образования училища, переросла она в длительные отношения. Начальнику политического отдела было удобно время от времени посещать почту под разными благовидными предложениями. То одно он проверяет, то другое инспектирует. Мало ли...

- Вы обещали посодействовать мне в квартирном вопросе.
- Будет тебе квартирка. Не беспокойся, Эля...

Приведя себя в порядок, Катков неспешным шагом направился к управлению. Через пять минут он начнет проводить совещание...

В конференц-зале обсуждались вопросы сохранности военного и государственного имущества. Особое внимание уделялось парку...

В дальнем углу автопарка, воровато оглядываясь, Петька Цыганков сливал в двадцатилитровую канистру топливо из бака своей машины. Их «Уралы» заправлялись бензином А-93. Дефицитный товар...

В тесноватом рабочем кабинете зама по вооружению распределяли силы и средства, планировали машины, судили и рядили.

- Поливальную машину отправим на огороды...
- Один самосвал на стройку...
- Один тягач под кирпич...

Училищное начальство вело строительство своих загородных дач. Для облегчения нагрузки на собственные кошельки начальники затеяли грандиозное строительство в их воен-

ном городке. Одно из старинных зданий, возведенных при последнем царе, разбирали по кирпичику. На его месте строители возводили новые стены. Сэкономленный материал пускали «налево»... Жизнь кипела и бурлила...

В воскресенье долго спали они, уставшие после длинной дороги, после связанных с внезапным переездом переживаний последних дней.

Но вот и Настенька проснулась, повернула головку в сторону никак не желающих просыпаться родителей, удивленно глянула на форменное безобразие. Только голод – не тетка, и она решила подать голос.

Уловив требовательный сигнал, Дина вскочила. Это был, кажется, единственный звук, на который материнское ухо чутко срабатывало в любом состоянии. Посмотрела женщина на часы и ахнула. Подхватила она дочку на руки и отправила ее под теплый бочок папаши, а сама заспешила на кухню, чтоб поставить на плиту молочко и варить кашку.

– Сейчас-сейчас, будем кушать... – тихо приговаривала Дина.

Рэм приоткрыл один глаз. И кто там, хотелось бы ему знать, столь бесцеремонно хлопает его по щеке? И кто же это? А это их маленький Лягушонок забавляется. Шлепнет он папку и озорно посмотрит. Губки расплывутся в довольной улыбке. Немного погодя, еще шлепнет...

– Ах ты, шалунишка наша... – Рэм поднял малышку над собой.

Начало сентября на дворе, а неутомимое солнце еще припекает.

– На море, на море, – запела хозяйка, покормив домочадцев. – Так я, оказывается, в этом году еще и не купалась! – вспомнила она.

– Да? – удивился Рэм. – У тебя же была возможность позагорать.

– Была. Но одной, без тебя... так не хотелось...

Ни о чем не спрашивая жену, Рэм сразу же направился к лодочной станции. Дина внимательнейшим образом наблюдала за мужем.

– Звездочка, покатаемся? – предложил Рэм.

– Да, мой хороший, – она благодарно чмокнула мужчину в щеку.

Ее внимательный и заботливый муж все помнил, как всегда, держал на контроле и ничего не забыл. И она, конечно, ничего не запамятовала.

Почти в такой же день они катались ровно три года назад, когда она после тяжелой болезни потеряла ребенка, и все у них рушилось...

– Солнышко мое, а помнишь, как ты все переживала, что у нас с тобой может не быть этого самого счастья? – он показал глазами на довольно лепечущую Настеньку.

– Помню, Рэмка. Я хорошо все помню, – крупные слезы помимо воли наворачивались на широко раскрытых женских глазах.

Но таилось в них больше радости, ощущения пришедшего к ней одновременно с рождением их дочери огромного счастья, чем грусти, печали и сожаления. Отныне они втроем связаны вместе так крепко, что больше их не развязать. Судьба обручила их. И она ни за что и ни при каких обстоятельствах больше никому не позволит их снова разлучить. С нее хватит. Наелась всего досыта. Сыта по самое горлышко.

– Все это началось ровно три года назад, – прищурившись, Рэм внимательно посмотрел на жену.

– Да, а ровно через год, – длинные реснички укоризненно дрогнули, – ты сказал мне, что больше никогда сюда меня не приведешь...

Обиженно и протяжно, как человек, вскрикнула пролетающая мимо на бреющем полете огромная белокрылая чайка. Выронив свою добычу обратно в море, она стремглав взмыла ввысь.

– Нет, Звездочка, – мужчина покачал головой. – Ты вспомни-ка, я сказал, что если прогулки на водном велосипеде тебя так расстраивают и навевают сплошь грустные мысли, то больше мы тут не появимся.

– И ты, упрямый, – ярко, но без видимой обиды сверкнули женские глаза, – сдержал свое слово. А через два года уехал и бросил меня одну.

– Насколько я помню, дорогая, ты меня из хаты кочергой погнала.

Дина глубоко вздохнула. Что ни говори, а в этом муж был прав.

– Ты уехал. Свет померк в моих глазах. Все опустылело. Помнишь, когда пять лет назад я первый раз сюда приехала, ты так живо и красиво поведал мне об истории Города, что я влюбилась в него. Он стал для меня, как родной. А тут я все возненавидела, прежде всего, свою работу, которая так нравилась мне и из-за которой я не смогла просто взять и сразу поехать с тобой. И именно из-за этого мы с тобой и поругались.

– Но мне казалось, что нынче у нас все в прошлом?

– Конечно, Рэмка, все в прошлом. Вот сегодня мы окончательно и поставим во всей этой истории жирную-прежирную точку...

Поставив в прошлой истории жирную-прежирную точку, супруги поспешили и перевернули прожитую страничку. Они открыли другую и начали писать свою новую историю с чистого листа...

Когда Дина постучалась и вошла в профессорский кабинет, член-корреспондент АН СССР Сергей Петрович Вернадский поднял на нее, улыбающуюся, свои донельзя изумленные глаза:

– Дина, это вы? И передо мною не мираж? Кажется, вчера на пляж я не ходил, под южным солнцем не перегрелся. Вы же в Германии...

– Здравствуйте, Сергей Петрович. Да, это я, собственной персоной, – она чуть смущенно опустила голову.

Милое очарование женщины заполнило пространство, заставило хозяина кабинета поспешно подняться навстречу неожиданной гостье.

– Милая девочка, я рад видеть вас в родных университетских стенах. С чем к нам пожаловали? Надолго ли тут задержитесь?

– Думаю, что надолго, Сергей Петрович. Пришла я сдаваться.

– Как вы сказали? – мужчина удивленно моргнул.

Слишком неожиданным оказался для него приход его бывшей студентки, на которую он в свое время возлагал довольно большие надежды. И, кажется, его чаяния начали потихоньку оправдываться.

– Я принесла на ваш суд свою работу...

Скромно опуская глазки, Дина целиком и полностью осознавала, что ей несказанно повезло. Приехав к мужу в Германию, она встретила там неожиданно горячее стремление родственника Сашки Григорьева, закадычного друга Рэма, помочь ей в ее научных изысканиях.

– Прекрасно, милая девочка, прекрасно, – профессор оживился и наклонился вперед, выказывая свою полную заинтересованность в этом вопросе. – А мы, знаете, только на днях тут про вас говорили. Я взял на себя смелость и доложил на Совете, что у вас диссертация на выходе и что ее уже можно включить в наш перспективный план, – он искоса глянул на бумагу на своем столе. – Динара Борисовна, если мы вставим вас на начало декабря, вы успеете?

– Думаю, что успеем. Если...

– Да-да. А я, в свою очередь, беру на себя обязательство в течение недели просмотреть ваш опус, – он не удержался от соблазна и одними глазами пробежался по всему оглавлению. – Недурно. Впечатляет. Признайтесь честно, профессор Крюгер вашу работу читал?

Не без основания академик полагал, что если их немецкий коллега, с которым он познакомился месяца два назад, когда его так неожиданно пригласили на проходящую в Потсдаме конференцию, одобрил этот труд, то тот вполне созрел, чтобы вынести его на всеобщее обсуждение.

– Читал, – Дина мило и в то же время скромно улыбнулась.

– И как? – наклонив голову, профессор прищурился, внимательно наблюдая за женщиной, ища в ее глазах ответ на свой вопрос.

– Нужно лишь стилизовать, отшлифовать и подогнать части...

Глаза за стеклами очков ярко сверкнули:

– Иными словами, материала у вас вполне достаточно?

– Да, вполне...

– Прелестно. Мы с вами поступим следующим образом. Я сегодня же начну вычитывать. А вы будете приходить ко мне каждый день...

По вечерам Дина приносила домой вычитанные профессором главы со следами его многочисленных пометок на полях, и в дело вступал семейный корректор. Последнее слово во всей карусели оставалось за Рэмом. После него работу можно было со спокойной душой отдавать в печать. Вдвоем с мужем Дина легко написала автореферат. Прикинули супруги и черновые варианты плакатов.

– Ох, Звездочка моя, – шутливо приговаривал муж. – Делаю все себе же на голову. Сам себе же приговор и подписываю.

– Ой, милый мой, что это ты? – супруга еще строила из себя полное непонимание. – О чем это ты, сударь мой, глаголать изволишь?

– Вот ты защитишься, станешь важным ученым и вмиг перестанешь смотреть в сторону безграмотного мужа. На кой черт тебе неуч?..

Бессменный начальник Дины, Федорчук, временами зашивался без своей первой помощницы и весьма ненавязчиво предлагал ей выйти на работу. Чтобы хоть как-то ему помочь, она почти каждый день забегала в отдел на часок-другой, а то порой задерживалась на работе и дольше.

– Динара Борисовна, а у нас назревает проблема, – подполковник выглядел несколько растерянным и слегка мрачноватым. – Спустили нам изменения в календарь основных мероприятий на октябрь. А там появилось личное первенство по весьма интересному многоборью.

– И что они нового придумали? – Дина отложила срочную работу в сторону. – Что им в голову умненького пришло?

– Кросс на три тысячи. Сто метров. Подтягивание. Специальная полоса препятствий. Стрельба из ПМ и АК. Ну, с мужиками-то дело обстоит полегче. Молодежи у нас хватает. А вторую женщину найти не можем. Слишком необычное многоборье они придумали. К примеру, Синцова у нас хорошо стреляет, но дальше чем от дома и до остановки трамвая не побегит. Да и то не за каждым, а только в день полочки. А Клара летит, как ветер. Да на стрельбище толку от нее совсем никакого. А те, кто мог бы, так все по отпускам и по командировкам разъехались.

– Может, – вздохнула Дина, – мне того... самой попробовать?

Задумчиво поглядывая поверх своего взволнованного начальника, она ручкой машинально выбивала по столешнице замысловатую трель.

Услышав ее предложение, Федорчук чуть, было, не проглотил язык, остановил на своей помощнице озадаченные глаза:

– Тебе? После того, как ты недавно родила? Ты что, смеешься надо мной или хочешь эдаким способом поднять мне настроение? Учти ты, ничего не выйдет. Шеф так и сказал мне,

чтобы мы с тобой делали все, что захотим, вплоть до банальной подставы, но... чтоб зачет, твердый зачет был. Дело на строгом контроле у нашего Министра.

– А я, – женщина развернула до той поры отсутствующий взгляд и твердо посмотрела начальнику в глаза, – выступлю, Олег Михайлович. Напрасно вы нелестно про меня отозвались. Я в приличной форме.

Уводя тоскующий взор в сторону, шеф с полной обреченностью в глазах скептически рубанул воздух своей правой рукой:

– Дина, у тебя на обе ноги хромала стрельба. Можешь запросто не попасть в зачет. А тогда и все остальное старание пойдет насмарку.

– Может, проверим? – Дина лукаво улыбнулась. – Идемте...

– А что толку? Одно расстройство, в том числе и желудка. Пойдем-пойдем, раз уж ты так настаиваешь. Сама еще раз во всем убедишься...

Пропустив шефа, Дина закрыла кабинет, и они спустились в тир.

– На спор. Я выбиваю 24 очка, и вы будете должны мне желание.

– А-а, – Федорчук кисло поморщился, – ты, Дина, только выбей. Я для тебя и так все сделаю. Не вопрос...

Тем временем Дина профессионально зарядила табельный ПМ.

– Огонь! – подало команду начальство.

Бах, бах, бах! Осмотр мишени. Три красивые «девятки» одна возле другой. Не до конца еще веря своим глазам, Федорчук изумленно ахнул:

– Ха-ха! А ну, давай еще раз! Тебе чертовски повезло. Сквозняком в центр мишени надуло пробойны...

Хорошо помня наставления мужа, Дина чуточку изменила точку прицеливания. Снова подошли к мишени. «Девятка» и две «десятки».

– Черт! Не может быть! – подполковник едва не запрыгал на месте от охватившей его нечаянной радости. – Ты где так настропилилась?

– Муж в Германии все лето по стрельбищу гонял, – Дина скромно потупилась. – Такой же до ужаса настырный хлопец оказался.

Окрыленный подполковник потер вспотевшие ладони:

– Правда? Так это он у тебя корешок-молоток! Я всегда считал, что он у тебя парень хоть куда.

Озорная улыбка засветилась на довольном женском лице:

– Насколько мне помнится, несколько месяцев назад вы были о нем несколько иного мнения. Прошлись вы по нему тяжелым катком...

– Да я же его в тот день едино за-ради профилактики пропесочил, – Федорчук смутился. – Так и быть, забираю все свои слова обратно. Раз ты его борзо кохаешь, знамо, он, и взаправду, доже гарный хлопец.

Сдав по пути оружие дежурному, они вернулись в кабинет. Сев за стол, Федорчук продолжил обсуждение насущного вопроса:

– Точная стрельба – это спасительно хорошо. Бегала ты у нас всегда неплохо. А разков десять ты хотя бы подтянешься?

– Ну, десять не десять, а раз двадцать пять сойдет? – один за другим Дина поочередно выкладывала на стол все свои козыри, до поры и до времени припрятанные в рукавах.

– Как ты сказала? Ну, ты у меня красно золотце...

Настроение у подполковника поднималось на глазах. Может, столь необходимый железный зачет в их руках. А там... чем черт не шутит!

– С военной полосой я знакома...

– Муж показал? – прищурились глаза шефа, скрывали и не желали демонстрировать ей свое изрядное удивление. – В Германии...

– А кто же еще, – женщина для вида тяжело вздохнула. – Заставил пару раз пробежаться. А если будет яка другая полоса? Типа пожарной?

– Ну, насчет пожарной, так это вряд ли. Скорее всего, за основу они могут взять полосу в каком-нибудь учебном центре военного училища. Там, вокруг Киева, столько их понатыкано...

Женский глазок задумчиво прищурился:

– Хорошо бы так.

– А що у сем разе, к примеру, молвит твой супружник?

И тут-то Дина тяжело вздохнула. Вот о своем-то благоверном и об их маленьком Лягушонке она, увлекшись, совсем-то позабыла.

– Надо бы мне сначала с моей бабушкой договориться, чтобы она к нам приехала. Закажу я для начала телефонный разговор с нею. А с мужем я и после договорюсь. Он у меня, вообще-то, понятливый. Если к нашему вопросу правильно подойти, то должен он меня понять...

Прошло пару деньков. Дина выбрала вполне подходящий момент и приступила к охмурению своего ничего еще не подозревающего мужа. Не дослушав жену, Рэм оборвал ее очаровывающую сладкую трель.

– Дина! – его голос резко взлетел, а протестующий кулак с силой опустился на стол, стоило ей только заикнуться о том, что она покинет их всего-то на каких-то несколько дней.

– Рэм? – супруга подняла на мужа изумленные глаза. – Чем это я заслужила такое твое отношение к себе? Ты, братец мой, позволил себе повисить на меня голос?!

– Прости, – его глаза сразу потеплели. – Но я возмутился не из-за себя, а токмо ради здоровья дочки нашей. Ты подумала о том, кто за ней все это время будет смотреть?

Уловив самое горячее желание мужа не доводить дело до ссоры и не раздувать ее до вселенского масштаба, Дина чуток приободрилась духом, примирительно моргнула, мягко и проникновенно ответила:

– Подумала.

– Грешным делом, не на меня ли? Даже и не мечтай! – отрезал муж.

– Нет. Но от тебя я отказа не ждала. Знаешь... – она нахмурилась.

– А на кого, скажи-ка нам, подумало наше ясно Солнышко?

Словно холодным ветерком дохнуло через открытую форточку, и Рэм с немой улыбкой смотрел на обиженно-неприступное лицо жены. Тут бы как раз и в пору ему возмущаться. А она странным образом все перевернула. И теперь уже сам он должен перед ней заискивать.

– Что интересного придумала наша Звездочка?

– Бабушка Амина в мое отсутствие за ней присмотрит.

– Бабушка Амина? – Рэм удивленно моргнул.

Об этом варианте он, признаться, не подумал. Со стороны жены это был, хоть и неожиданный, но весьма интересный ход.

– А она-то согласится?

– Она в курсе, – улыбнулась лисичка и мило потупилась.

– Нет, так не пойдет. Опять ты, Динка, все решаешь за моей спиной, – глава семьи не выдержал и погрозил ей кулаком. – А меня ставишь в известность уже перед свершившимся фактом.

– Так уж у нас получилось, мой дорогой, – жена обезоруживающе улыбнулась и потянулась к мужу виноватыми губками.

– У тебя... всегда так получается, – больше для порядка проворчал Рэм. – Ты поделишься тем, что у вас впереди намечается?

Облегченно вздохнув, Дина начала обстоятельно перечислять.

– Желательно бы, Динка, чтобы стометровка в один день с кроссом не шла. Если будет возможность, то надо этого обязательно добиваться, – выдал муж и замолчал, готовый слушать и дальше.

– Почему? – заинтересованно хлопнули пушистые реснички.

– После сотки сильно забиваются мышцы. И потом кросс бежишь, как на ватных ногах. Это, поверь мне, до безобразия тяжело. В крайнем случае, утром – кросс, а стометровку сдавать после обеда. А вот после кросса, радость моя, необычайно легко подтягивается...

Женские глаза озадаченно раскрылись и на время застыли.

– Даже так? Откуда у нас такие познания? – Дина заинтригованно посмотрела на мужа.

– Большой жизненный опыт, – уклончиво ответил Рэм, чтобы хоть капельку помучить жену за все ее каверзные проделки с ним.

– А все же? – изрядно подогретое извечное любопытство уже не давало одному человеку покоя и упорно толкало его на расспросы.

– Мы в училище каждые полгода сдавали зачет по физической подготовке, включавший в себя, как правило, все эти элементы, кроме стрельбы. Да плюс ко всему тому еще гимнастику и рукопашный бой.

Как кадровый офицер он в этих вопросах мог бы многим еще дать фору, особенно тем «штатским», кому самое первое офицерское звание «младший лейтенант» с непостижимой его умю легкостью присвоили после окончания педучилища... Милиция, одним словом...

– А что еще полезного может посоветовать мне мой многоопытный наставник? – крайне своевременно польстила хитренькая лисичка.

– Если вы берете с собой свои автоматы, то не мешает привести их к нормальному бою. И еще: берите с собой не АКСУ, а АК-74.

– Не поняла я! – взметнулись вверх красиво очерченные стрелки бровей. – А это еще почему? У нас всегда все хотят стрелять только из укороченных стволов. Говорят, что они легче, что меньше отдача...

– У них, Динка, кучность никудышная. Ствол при стрельбе быстро нагревается, и автомат тогда плюется перед собой, а не стреляет...

Не отрывая от мужа своих замороженных глаз, она тихо встряхнула головой. Столько информации за один раз – как-то уж чересчур.

Не мешало бы ей все тщательно переварить. Но самое главное, что муженек тонко намекнул ей что-то насчет оружия...

– А ты, дорогой, энто зробить сам возьмешься?

– Что именно, радость моя? – муж прикинулся непонятливым.

Его всегда поражала ее удивительная способность задавать вопросы без всякого перехода из одной области в другую. Он привык понимать свою жену с полуслова, но порой она и его ставила в тупик.

Хотя, честно признаться, чаще всего он намеренно делал вид, что не уразумел ее, чтобы получить дополнительное время на обдумывание.

– Ну, как ты там сказал... – подкинули ему подсказку.

По прекрасному женскому лицу тучей пробежало ярко выраженное недовольство его кричащей бестолковостью, и он, любуясь, восхищенно прищелкнул языком и лишь опосля всего вопросительно моргнул:

– Привести к нормальному бою?

– Вот-вот, – кивая головой, выдохнула Дина. – Могешь?

В положительном ответе она нисколько не сомневалась. Даже если муж и не в курсе, то постарается, в лепешку расшибется и все разузнает.

– Угу. Нужен стометровый тир. И желательно бы тир закрытый.

– Ну, тир-то, я думаю, мы найдем.

– Вот тогда конкретно и поговорим...

Супруги переглянулись. А потом они претворят все это в жизнь.

До соревнований оставалась еще одна неделя, и Дина, надо сказать, весьма целенаправленно готовилась. Подъехала бабушка Амина и взяла на себя все заботы о Лягушонке. А Рэм уехал из дома еще раньше жены. По плану училища намечался двухнедельный выезд в учебный центр. Когда он вернулся, Дина уже возвратилась и находилась дома.

– Ну и как? – повисло в воздухе его первым вопросом.

– А ты ругаться не будешь?

У Рэма екнуло сердечко – неужто случилось неладное...

– А есть для того веские основания? – он чуть наклонил голову.

– Кажется, Рэм, я скоро стану капитаном! – зазвеневший радостью женский голосок взлетел до самых небес. – Прикидываешь?!

– Да ну?! – искренне удивился он. – С какого такого боку-припеку?

Вроде, в его понимании, срок, положенный для присвоения жене очередного звания далеко как не истек. И соответствующего приказа об изменениях тех сроков не вышло. Или что-то незаурядное произошло?

– Я, Рэмка... Нет, ты можешь себе представить? Я заняла второе место по всей нашей республике! – Дина запрыгала, радостно хлопая в ладоши. – Скажи, ты рад за меня?

– Безумно! У меня нет слов, – Рэм поймал жену и легко оторвал ее от пола. – Я... я всегда верил в тебя, мое светлоголовое Солнышко.

Восторженно-восхищенные глаза мужа убедительно подтверждали, что он нисколько не лукавит. А одной девушке хотелось большего, и она, наклонившись к его уху, таинственно прошептала:

– Даже... когда я тебе не давала спать по утрам?

Это, по правде говоря, она настояла, когда жили в военном городке в Германии, чтобы муж по утрам занимался с нею, усиленно гоняя ее по спортивному городку в ущерб своему сну.

– Особенно тогда. Я чувствовал, я знал, что если ты этого хочешь, то все это неспроста. Ты все заранее рассчитала и начала готовить себя к предстоящему выступлению загодя. Я прав?

– Прав, мой дорогой. Бабушка, видишь, мой муж за меня рад.

Теплая улыбка осветила лицо пожилой женщины. Ей сердце давно подсказывало, что один парень души не чает в ее внучке. И с ним Дина всю жизнь будет только счастлива, если, конечно, не потеряет его.

– Рад, доченька, рад. Твой муж всегда за тебя только рад.

– Рэмка мой, бабушка, он такой, такой...

Укрывая свое стеснительное смущение и плавно уводя разговор в сторону от своей скромной персоны, муж осведомился:

– Динка, а что ты плела насчет какого-то капитана? Или же мне сие только послышалось?

– Так министр наш приказал всем призерам присвоить очередные звания досрочно. Как он выразился, за высокие показатели в личной подготовке и за проявленную волю к победе.

Желая проверить скорую догадку, Рэм заинтересованно спросил:

– И у кого же первое место? Не под нее ли вымостили дорожку?

– У нас, Рэмка, выступала одна девчонка из спортивного общества «Динамо». Тренируется и выступает она за него, а числится в одном из районных отделов Киева. Короче говоря, она попросту зарплату в том отделе получает. Кто-то за нее в поте вкалывает, а она в это время круги по стадиону наматывает или раскатывает по соревнованиям.

Рэм усмехнулся. Знакомая до боли ситуация. Всюду у них одно.

– По принципу: кто и на что учился. У нас в батарее командира второго взвода Сережку Прутских мы тоже видим исключительно по большим праздникам. А он всего лишь за наше училище выступает. С этим все понятно. А что у нас получилось по отдельным видам?

– За каждое отдельное выступление нам начислялись очки...

– Да я, Динка, – откинув в сторону деликатность, муж прервал ее, – в курсе этой системы. На то оно и многоборье. По идее, можно не взять ни одного призового места, а в общем зачете все равно стать первым...

Вкратце же Рэм пояснил, что главное тут, чтобы пройтись по всем видам ровно, без особых срывов и провалов.

– Точно-точно, – жена, во всем соглашаясь с ним, весело закивала. – Так оно почти и получилось. Бег у меня вышел где-то в середине результатов. Там, представляешь, такие кобылки резвые нашлись, что за ними без пропеллера за спиной ни за что не утонишься.

– Да, – улыбнулся муж, – ты у нас не совсем по этому делу. Ты у нас по гороскопу Стрелец. И родилась ты в год Тигра, а не Лошади...

Мужская рука прошла, приглаживая непослушные пряди жены, и она довольно сощурилась под нежной лаской, прижалась к его плечу, с вдохновением продолжила:

– Я сначала даже чуть расстроилась. А на полосе стала третьей. И тут строчка с моей фамилией медленно поползла вверх. Стрельба – четвертая, подтягивание – вторая. А длинноногие бегуны, оказывается, отвратительно плохо подтягиваются...

– Ты, дорогая, смотри я, счастлива? – Рэм не сводил с радостно улыбающейся жены восторженно-влюбленных глаз.

– Жутко! Давай, отметим это дело? Заодно макнем и твой приезд?

Женушка виновато моргнула. За своими переживаниями она совсем позабыла о том, что муж только-только вернулся с полевых лагерей.

– Я, в общем-то, не против. Что нам скажет бабушка Амина?

– Идея хорошая. Пусть наша виновница сама же бежит в магазин.

– Я... я мигом! – Дина успела послать им воздушный поцелуй, и входная дверь за нею закрылась.

Весело простучали каблучки по лестничной площадке. Хлопнули дверцы лифта. Ровно и мощно загудел мотор.

– Сынок, – Амина подошла к Рэму, – ты, и вправду, искренне рад за жену? Тебя несколько не смущает то, что она обгоняет тебя по службе?

– Бабушка, – как можно мягче ответил Рэм, – если бы меня в этом что-то не устраивало, я бы несколько не помогал ей. Дина – это... это неотъемлемая часть самого меня, моя гордость. Пусть хотя бы пока в ней воплотятся все наши общие желания и мечты. И я, я абсолютно не страдаю из-за Дины комплексом неполноценности. Ее успех – это, прежде всего, наш с нею общий успех. Можно сказать, что я всемерно горжусь ею, как тренер гордится своим учеником и воспитанником. Вот где-то так все это и выглядит. Я смог убедить вас, Алена Бориславовна?

Туманная пелена закрыла глаза Амины. Сказано было все зятем неплохо и, чувствовалось, что все шло от самого чистого сердца.

– Да, Рэм, тебе это удалось. У меня нет причин ставить твои слова под сомнение. Я рада за свою внучку. Я рада за вас обоих. Вы смогли забыть о том, что с вами случилось год назад. Сумели вы все пережить, сохранив при этом свои чувства. Сколько я у вас живу, столько и вижу, как моя любимая внучка не ходит, а летает и вся так и светится. Теперь я спокойна за вас. Ты в курсе, что Дина собирается выйти на работу?

В ответ Рэм неопределенно пожал плечами:

– Нет, меня еще не поставили в известность. Но я чувствую, что все к этому и идет семимильными шагами, и на всех парах катится.

– Ну, тогда мы не будем спешить. Пусть она сама тебе обо всем и скажет, – загадка в глазах Амины исчезла, растворилась.

– Скажет-скажет, – Рэм улыбнулся. – За ней не заржавеет. Выберет для этого подходящий момент и начнет последовательную обработку. Вас она уже, наверное, давненько сумела уговорить?..

Щелкнул замок. Разговор прервался. Дина с самого порога кинула на заговорщиков взгляд, что-то показалось ей крайне подозрительным.

Она оглянула их внимательнее и сразу поняла, что в ее отсутствие разговор крутился вокруг именно ее скромной персоны. Хотелось бы ей знать, о чем это бабушка могла секретничать с Рэмом. Неужели о том, что она упростила Амину пожить с ними еще пару месяцев?

И Рэмка, хитрец, сразу, как она вошла, сделал безразличное лицо, всего за мгновение до того красочно отображавшее всю его возможную заинтересованность. И что же жутко интересного она пропустила?

Нежась в ласковых руках мужа, Дина тихо промурлыкала:

– Милый, как мне хорошо! М-р-р! – изнеженный котенок потерся о его щеку. – М-р-р! – движение повторилось. – Рэмка, дорогой мой, ты меня того-этого... слышишь? – сладкий медок густым елеем полился из очаровательных женских уст. – Рэмка!

Лениво приоткрыв один глаз, муж искоса поглядывал на жену. Он предчувствовал, что сейчас за расслабляющим до самого предела волю лирическим вступлением незамедлительно и совершенно неожиданно последует серьезный разговор на самую актуальную тему.

– Рэмка! Ты чего молчишь?

– Я... я наслаждаюсь чарующими звуками твоего голоса. Я готов его слушать вечность. И за возможность слушать я готов пойти на все.

Чтобы помочь ей, чтобы жене легче могло бы начать разговор, он загодя и деликатно начал мостить переправу через реку недопонимания.

– Правда? – хитрая лисичка проворно ухватила за протянутую ей с другого берега дружескую руку. – Все-все, что я у тебя ни попрошу?

– Конечно, – он весело хмыкнул, – в разумных пределах. Прыгать с балкона пятого этажа? Что-то пока у меня желания не возникает.

– Типун тебе на язык! – Дина состроила строгое личико.

Услышав из уст мужа явную нелепицу, она для профилактики лишь легонько ущипнула его. Но мужа это только раззадорило:

– Ты не будешь просить меня об этом? Нет? Тогда... о чем?

Глубоко вздохнув, она решила:

– Рэмка, ты не будешь против того, чтобы бабушка пожила с нами?

– Еще хотя бы с одну недельку? – до невозможности коварный муж прикинулся на время бестолковым и по пояс деревянным.

– Нет, чуть больше, – настороженно выдохнула жена.

– Десять дней?

– Рэмка! – громко вскрикнула она.

Не сразу до Дины и не вдруг дошло, что над нею просто-напросто изуверски тонко потешаются, испытывая на прочность ее терпение.

– Ау, дорогая, я здесь.

– Ты... ты же, черт, специально прикидываешься, что ничего не понимаешь! – возмущенно зазвенел ее голосок.

– А что я должен был понять? То, что ты хочешь, чтобы Амина пока пожила с нами, а ты в это время выйдешь на работу?

Направив на него свои наивно-невинные глазки, она кивнула:

– Угу...

И как же она нравилась мужу. Святая непосредственность!

– Да, понятно, – тяжело и одновременно обреченно вздохнул Рэм, – тогда мы еще долго не сможем с тобой разгуливать по квартире в одних трусах и без оных предметов.

Короткий смешок вырвался из женской груди:

– Энто единственное препятствие? И я смогу выйти на работу?

– О-о, а это уже второе желание. Мы так с тобой не договаривались. Вопрос был только о том, чтобы твоя бабушка пожила с нами.

Чувствуя, что тонет в его любящих глазах, она прошептала:

– Да ну тебя, Рэмка. Вечно ты начинаешь придирается к словам!

И еще хотелось Дине добавить, что муж ее с упоением занимается демагогической казустикой и ловко упражняется в словоблудии...

2

Девичья рука мягко опустилась на ее плечо, возвращая Дину в мир реальной действительности.

... – Прохладительного не желаете? – симпатичная стюардесса – а других, в общем-то, на такую работу не берут – предлагала стаканчик с прозрачным пузырящимся напитком.

– Спасибо, девушка, – Дина рукой потянулась к минералке.

В горле пересохло, и водичка была кстати. Взгляд ее случайно упал на стекло иллюминатора и вышел за него. Сверху сияло ослепительное солнце, а снизу величественно проплывали белые барханы облаков.

Да, так ей и показалось, что двигаются именно дивно причудливые формы, а их воздушное судно безнадежно зависло на месте. Вот также красиво было, когда они в 86-ом летели в Москву, на свадьбу...

...В тот год вторая половина октября выдалась на редкость теплой.

Приводя технику в порядок после полевого выхода, Рэм со своими курсантами возился в парке. Приятно работается, когда на них сверху не сыплет холодная и противная морось, не дует пронизывающий ветер, порой пробирающий до самых костей. Хорошая погода многое значит.

Теплое ласковое солнышко пригревало. Дело шло споро. Одежда не стесняла движений и не мешала в работе.

– Рэм, вот ты где, – кто-то по-дружески хлопнул его по плечу. – Слушай, еле тебя нашел.

– А, это ты, Юра... – лейтенант приветливо улыбнулся.

Увидев Ветрова, командира 12-ой батареи, Рэм очень обрадовался. В его курсантскую бытность Ветерок командовал у них вторым взводом и познакомил Рэма со своим племянником, Сашкой Григорьевым.

– А что меня искать? Всем известно, где я могу пропадать, когда надо приводить в порядок орудия. Если ты, Юра, об этом помнишь, то еще с курсантских пор так повелось. Но ты не подумай, я не жалею. Пусть уж лучше курсанты моего взвода получают хорошую практику в обслуживании орудий, чем постоянно повышают свою квалификацию в мытье полов или в их виртуозной натирке щетками, как у...

Помимо его воли по лицу лейтенанта пробежалась ироничная усмешка. Хотелось сказать про командира их третьего взвода Певцова.

Сам тот ничего не смыслит ни в боевой работе, ни в обслуживании боевой техники, бойцам своим показать толком не может. Лишь одному Коленька горазд их обучить: нагло и вдохновенно лгать, глядя прямо в глаза, юлить, изворачиваться, ловко перекидывать всю ответственность на плечи своих товарищей, с легкостью по подлому их подставлять при каждом удобном случае, не забывая при всем этом выпячивать перед начальством свою, по сути, ничемную фигуру фигляра и фанфарона...

– Если бы, Рэм, все у нас так мыслили, как ты...

– Если бы у бабушки был..., то она была бы...

Переглянувшись, офицеры рассмеялись, мысленно представив себе, что произошло бы в таком случае. Довольно расхожая присказка. Но бьет она не в бровь, а прямо в глаз. Если бы да кабы...

– Ты знаешь, – Ветров не столько от солнца, сколько хитровато прищурился, – у нас с тобой возникли небольшие проблемы.

– У меня с тобой? – Рэм недоверчиво хмыкнул. – Какая может быть, Юра, общая проблема у взводного и комбата с разных дивизионов? Или, постой, дело как-то связано с нашими друзьями?

– Ты, брат, угадал. Катя и Саша решили пожениться.

– Да... ты... что? – Рэм не стал укрывать своего удивления.

Хорошо зная характер взаимоотношений с одной чудной девушкой-немкой его друга Саши Григорьева, оставшегося служить в Германии, родного племянника стоявшего рядом с ним Ветерка, ему не особо-то верилось. Не верилось не из-за невообразимо плохих отношений между молодыми людьми, а из-за их особого подхода к самому браку.

– Мне казалось, что в обозримом будущем сочетаться браком они никак не собирались. Церемония состоится в Германии?

– Они уже в Москве. Ты и Дина приглашены к ним свидетелями.

– Мы? – Рэм озадаченно моргнул.

Неожиданный для него поворот. О том и помыслить, и представить себе оное было невозможно. Казалось, что лишь вчера они расстались после того, как лейтенанту Валишеву пришел вызов из училища, и он с грустью и с сожалением вынужден был уехать из Группы войск.

Столько всего там случилось и произошло. После глупой ссоры с женой, он сблизился с Маринкой, когда-то лучшей подружкой Дины. И лишь рождение Настеньки вновь воссоединило его с Диной...

...После их прощальной пирушки Катя и Саша вышли возле дома и долго еще смотрели вслед скрывшейся за поворотом машине.

– Саша, как они есть друг друга любить... – нарушив молчание, задумчиво произнесла Катя. – Дина не сводит сегодня весь день с мужа своих горящих глаз. И он ее обожать. Совсем есть не то, что у него быть с Маринкой. Совсем есть другие отношения.

– Дина, – Сашка задумчиво потер щеку, – не догадалась о том, что Рэм и Маринка были близки. Рэм мне говорил, что его жена ни разу ни одним словом не обмолвилась. Говорил, что ни разу не спросила про то, с кем он тут жил без нее. Словно Дина забыла или ничего не знала.

– Ты есть ошибаться, милый дружок, – Катя посмотрела на Сашку и странно улыбнулась. – Дина есть хорошо знать.

Молодой человек встал, как вкопанный, словно с ходу налетел на телеграфный столб, за одну секунду выросший посреди дороги.

– Знает? – Саша удивленно уставился на нее. – Да нет, не знает, – взмахом руки парень сам себя успокоил. – Я был бы в курсе.

– Знать, Саша...

Пришлось Кате пояснить, что знала Дина с самых первых дней.

– А мне ты ничего не сказала, – парень с непониманием посмотрел на девушку. – С каких это пор у нас с тобой завелись секреты? – его тон потихоньку скатывался на по-детски обиженные нотки.

– Сашенька, – Катя мило и немного виновато моргнула. – Но есть у женщин свои маленькие секреты?

– Ничего себе маленькие! О-го-го! – Григорьев качнул головой.

Возмущенный до глубины души неожиданным поворотом событий, парень обиженно засверкал глазами, пытаясь сдерживать себя. Пусть одна девушка только попробует что-то сказать в свою защиту.

– Сашенька, я есть тебе говорить. Ты есть Рэму говорить. А он есть тяжело мучиться и трудно переживать.

– Ты думаешь? – Саша запустил в затылок всю свою пятерню. – Да, кажется, ты снова права. Все знать не всегда полезно.

– Ты же есть сам мне, – нежные девичьи пальчики, умиротворяя, коснулись его надувшейся щеки, – говорить. Я есть хорошо помнить...

Немного помолчав, парень заметил:

– А знаешь, Катюша, мне в одно время показалось, что он все-таки любил Маринку. Когда Рэм приехал из отпуска, я ему сказал, что она уехала. Но глаза его не вспыхнули вмиг от радости, а разом погрузнели и подернулись печальной дымкой. И выглядел он сам жалким, сильно растерянным, словно утратил что-то очень для себя дорогое...

– Есть так, Саша. Рэм есть их обеих любить.

– Разве так можно? – парень недоверчиво хмыкнул.

– Natürlich...

Помогая себе пальчиками, Кэт пояснила, что любовь у Рэма к ним разная. Два чувства дополняют друг друга. Если свою Дину он любит до безрассудства, всем своим сердцем, весь растворяясь в своем чувстве к жене, то с Маринкой все происходило совсем по-другому.

Рэм нежно и бережно заботился о ней. В отношениях с Риной он ощущал свое превосходство. С ней Рэм испытывал силу и уверенность. Он помогал женщине, покинутой и потерявшей в их жизни...

– Рэм есть ответственность ее судьба чувствовать. В его душе есть трещина, щель, и ростки нового чувства быстро-быстро проникать...

Катя говорила столь вдохновенно, что Саша невольно отступил на шаг и залюбовался ее видом. Стоящая перед ним девушка – чудо, и ему необычайно повезло, что она любит именно его. Какая же она у него!

– Катенька, насколько ты ловко все разложила по полочкам. Что же мне, бедному, делать? – парень картинно схватился за голову.

– Саша, ты есть что? – Катю напугал столь его резкий переход от состояния вечного счастья к перманентной попытке посетовать на свою судьбу. – Ты есть болеть? У тебя есть что-то случиться?

– Случилось, Катя, – он потерянно развел руками, – случилось. В семье у меня одни дипломированные психологи. Деваться мне от вас некуда. Ты – психолог. К дяде пойдешь, и там одна философия. Один я среди вас всех неуч и ни к чему не способный бездарь. У меня ширится комплекс депрессивной неполноценности...

Прояснив причину охватившего его недуга, девушка фыркнула:

– Сашенька, кто есть об этом говорить...

И ласково добавила она, что у него все есть от природы. Напомнила Кэт про его деда Алексея, бабушку Марту. И про генерала Ершова.

– Есть его-то, кстати, что-то уже давненько видать нет.

– На него не похоже. Значит, надо его ждать. Со дня на день.

Подумал только он, и перед ним явственно замаячил гордый силуэт деда, словно его слова заклинанием вызвали призрак старого генерала.

– Да-да, Саша. У тебя есть наследственные гены, а ты есть скрипеть и плакаться. Ты есть себе друга выбрать. Под стать себе. Ты есть мне сказать, мой милый, кто есть твой друг, а я есть тебе сказать, кто ты есть сам такой быть, – она ткнула пальчиком в его грудь.

– Да, жалко. Жалко и тяжело будет с ними расставаться. Последние три года мы с Рэмом и с Диной тесно общались.

– Саша, – неуверенно протянула Катя, сделав еще несколько шагов по дорожке, – а ты есть видеть, как есть твой дядя Пауль расстроиться, когда есть он узнать, что есть они уезжать?

В самом деле, профессор был сам на себя не похож. Забросил все свои дела, маетно бегал, суетился, все хотел он что-то успеть.

– Заметил я. Я чувствую, что он сильно привязался к Дине. Они провели в совместной работе не один десяток часов. Узнав же Дину поближе, невозможно не восхищаться ею. Ты права. Он стал относиться к ней очень тепло. Я бы даже сказал, что по-отечески, а может, и еще теплее. К чему бы это? Уж не влюбился ли он?

– Есть, Саша, видеть, ты и сам есть выводы делать. Или есть на тебя водка действовать? – Катя подмигнула и озорно прищурилась.

– Что ты, Катенька! Да и выпили-то мы совсем ничего, – парень с непонимающим и невинным видом развел руками.

– Ничего себе, есть пили ничего, – иронично усмехнулась девушка и погрозила милому пальчиком. – По бутылочке есть на брата пить!

В ее понимании, это немыслимо много. К тому же, Катя до сих пор пребывала в благом неведении по поводу того самого, чем занимаются офицеры на учениях в перерывах между боевыми стрельбами.

– Но, Катенька, такая мировая закуска была, – Саша мечтательно закатил глазки. – Вот под нее-то тост за тостом и ушло.

Словно решившись, Катя посерьезнела, повернулась к парню всем телом и положила руки ему на плечи:

– Есть с тобой сегодня одну серьезную вещь говорить?

– Моя прекрасная Принцесса, ты полюбила другого?

– Ты есть болтун, – она постучала пальчиком по его виску. – Я есть серьезно. Саша я хочу, чтобы у нас маленький быть, – ее ставшие выразительными глаза расширились от сильного напряжения.

В голове у нее пронеслась мысль про то, что зря она затеяла весь разговор. Ее милый дружок на серьезный лад явно был не настроен.

– Катенька, – Саша легкомысленно отмахнулся от самой мысли, – мы же решили подождать с этим вопросом до окончания твоей учебы.

– А есть нам этого не ждать?

– Не ждать? – Григорьев с недоумением уставился на девушку.

Если бы не две-три последние рюмки, то он, возможно, соображал в эту минуту чуточку быстрее и намного точнее.

– Ты есть не хочешь? – Кэт с подозрением заглянула к нему в глаза, ища в них правдивый ответ на свой вопрос. – Ты есть мне все сказать.

– Да как ты можешь такое говорить? – получив несправедливый упрек в свой адрес, он обиженно заморгал глазами. – Да я, да я...

– Есть я все понять, – она в знак примирения прижалась губками к его щеке. – Есть я тебе сказать, а ты есть падать нет.

– Ты... – его губы сами по себе растягивались в дурацкой улыбке.

Ее слова означали, что он может скоро стать отцом. Он и отцом?!

– У нас с тобой быть киндер, – потупив глазки, кивнула Катя.

– Ребенок! – восторженно повторил он. – И ты это... давно?

Ему уже хотелось, чтобы рождение их малыша случилось быстрее.

– Есть почти три месяца быть.

– По тебе не скажешь, – парень смотрел на нее и так и сяк, пытаясь найти хоть что-то говорящее, что у них скоро будет ребенок.

– Ты есть недотепа и ничего не понимать. Эх ты, папаша!

– И что мы теперь должны с тобой делать? – к Сашке вернулась способность мыслить реальными категориями. – Мы поженимся...

– Danke. Я есть в тебе не ошибаться. Дина приехать, Настеньку чудную привозить. Я есть прелестного ребенка видеть. В душе есть alles перевернуться. Я решить оставить. И есть тебе не решаться сказать...

– Я, Катенька, счастлив. Твои неожиданные слова перевернули все, что имеется в моей душе. И я рад этому. Я скажу так, что я безмерно счастлив. И это ощущение нарастает с каждой секундой...

– Ich bin auch glücklich. Я есть тоже счастлива...

Насквозь пронизанная внутренней одухотворенностью улыбка тихо засветилась на девичьем лице, а глаза ее засияли еще ярче.

– Есть можно отношения не оформлять. Мне есть все равно. Ты есть меня любить. Ты есть ребенку свое имя давать? – она отступила на шаг и, прищурившись, посмотрела на парня.

– Катенька, да как ты можешь так говорить? – от возмущения его ресницы пришли в беспорядочное движение. – Я же тебе все на этот счет сказал. Или ты просто дразнишь меня, моя Принцесса?

– Дразнить, – выдохнула она, признаваясь, и шагнула навстречу Сашке, попала в его крепкие объятия. – Есть маленько дразнить...

Счастливые, они взялись за руки и пошли по улице куда-то вперед и безо всякой цели. Смотрели они друг на друга и шагали...

Счастливые влюбленные времени-то не наблюдают. Для них оная категория живет вне реальности. Для них, что день, что ночь, все едино.

– Ну, где их, понимаешь ли, до сих пор черти носят? – не скрывая своего непонимания и полной озабоченности, Павел Евгеньевич Ершов нервно вышагивал по квартире, то и дело поглядывал на часы.

– Что ты переживаешь? – Анна с нежной улыбкой поглядывала на отца. – Дело молодое. Появилась свободная минутка, вот дети и гуляют.

– Непорядок. Офицер должен всегда оставлять записку, чтобы его могли быстро найти, – генерал, хоть и находился в отставке, но военные порядки хорошо еще помнил. – Время-то уходит.

– Папа, будет тебе брюзжать, – дочка в ответ только посмеивалась. – Раньше за тобой бубнящей привычки не водилось.

– Старость – не детская радость, – заметил Ершов, останавливаясь. – Внутри у меня растет нетерпение. Все боюсь, что могу что-то в этой жизни не успеть. Хотя сам-то я все прекрасно понимаю, что всего не переделаешь. Но хочется успеть сделать как можно больше...

«Щелк-щелк», – провернулся замок. Дверь широко распахнулась, и на пороге показалась влюбленная и, как никогда, счастливая парочка.

– А, появились, голубки, – генерал с ходу, не давая опомниться, набросился на них. – И где это нас целый день носит? Одна, понимаешь, лекции прогуливает, а второй, разбойник, увивается от службы. Ни на новом месте службы его нет, ни в старом полку не появлялся, – он навис над внуком и принялся грозно сдвигать брови.

– А мы, Пал Евгеньевич, есть про вас вспоминать, – мило и весело улыбнулась Катя и мигом потушила весь боевой настрой старика.

– Долго жить буду, – буркнул Ершов. – Ну, здравствуйте, дети. Я приехал к вам не один. Смотрите, кого я к вам привез...

Чуть ступил генерал в сторону, освободил молодежи обзор.

– Мама! – Саша кинулся навстречу поднявшейся Анне. – Мама!

– Здравствуй, сынок, – Анна обняла его одной рукой. – Здравствуй, Катенька, здравствуй, доченька, – она взяла девушку под вторую руку. – Живые, здоровые, – женщина переводила свой взгляд с одного родного лица на другое. – И будто счастливые. И все у них в порядке. А ты, дед, переживал за своего внука. Смотри, какой ангел-хранитель ходит рядом с ним. Наши дети гуляли и отдыхали. Я правильно все говорю, сынок?

– Да, мама. А до этого мы прощались со своими друзьями. Рэм с женой на днях уезжает в Союз. Может быть, даже завтра поедут. Вот и решили мы это дело провести сегодня. На всякий случай.

В дверь позвонили, и Катя сразу поняла то, кто еще мог прийти.

– О, это есть мои родители ходить, – с улыбкой объявила она.

Чутье девушку не подвело. На пороге стояли Клэр и Виктор.

– Ага! Вот они! – не удержался, увидев их, Ершов. – Снова вся компания поджигателей в сборе. Ну, проходите. Для полного комплекта вам только Григорьева не хватает. Что, не забыли еще, как собирались вы подпалить склад со снарядами? – генерал то и дело обводил гостей своим насмешливым взглядом. – Катенька, твои степенные родители тебе про тот случай не рассказывали? И как в залог за свое немедленное освобождение оставили в русском плену свою лучшую подружку Анну в железных руках неумолимого русского офицера? Бедняжка заплатила за их детскую шалость своей личной свободой. В результате чего потом появился на свет один разбойник, – он ласково потрещал за шею своего внука. – Скрыли от тебя, девочка, немисливо интересный факт из своей незапятнанной биографии. Нет? Ах, ты чуточку в курсе!

– Все, Катенька, было так и не совсем так, – Анна прижала девушку к себе. – Я сама добровольно осталась в плену.

– Это еще неизвестно, кто и кого у нас взял в плен, – голос самого Григорьева заставил всех обернуться. – Я, увидев глаза стройного, как тростинка, диверсанта, понял, что окончательно пропал.

– Все в сборе, – резюмировал Ершов. – Прошу к столу. Кто у нас в доме хозяйка? Ну-ка, девочка, давай, быстренько накрывай на стол.

Взмахнув руками, Катя упорхнула на кухню. Анна поднялась и неторопливо пошла следом. Кэт попыталась отправить ее обратно в зал:

– Тетя Аня, я есть сама со всем справлюсь!

– Справишься, девочка моя, ты справишься. Мне хочется побыть с тобою. И не забывай, что в этом доме главная хозяйка все же я. Тише, Катенька, тише. Я не хотела сказать что-то против тебя. И мне хочется немного тут похозяйничать. Ты еще будешь полновластной хозяйкой. Я вижу по твоим глазам, как ты смотришь на моего Сашку...

В две пары ловких и умелых рук, весело перешептываясь, хозяйки быстренько накрыли на стол. Оставались последние штрихи. И снова звонок в дверь. Тут уж Анна, уловив знакомый мотив, напряглась.

– Покажите мне ее! Где моя любимая сестренка? Где моя Ани?

Услышав родной голос, Анна все бросила и кинулась к брату.

– Пауль, Пауль, мой маленький братик!

Все вокруг на мгновение замерли, затихли, очарованные чувством, испытываемым друг к другу братом и сестрой, чувством, что сохранили и пронесли через долгие годы разлуки. Они с самого детства любили друг друга. Братик боготворил сестру. А она, как старшая, всегда, как могла, тепло и нежно заботилась о нем. А как похожи они были.

У Ершова подкатился комок к горлу. Снова перед его глазами, как живая, восстала их мать. Марта-Марта. Столько лет с той поры прошло. А ее светлый образ всегда оставался в его памяти.

Ее дети – прямое напоминание ему о ней. Анна – точная копия матери. Их дочери почти столько же лет, сколько исполнилось Марте, когда она ушла от них, оставила их одних на этой брэнной земле.

– Здравствуй, папа, – Пауль повернулся к отцу. – Я рад, что вы приехали все вместе. Ани, я столько лет тебя не видел...

– Вот теперь уже точно, что все в сборе, – Ершов украдкой смахнул слезу. – Давайте же, выпьем за встречу.

Оживленный разговор перебежал от одной темы к другой, все ближе и ближе подбирался к самой для кое-кого из них главной.

Проницательный генерал долго и пристально наблюдал за самыми младшими и сердцем чуял, что те что-то не договаривают, не решаясь открыть, может быть, самое важное в данную минуту.

– Вот что, ребятки, – Ершов подошел к ним и положил руки на их плечи. – Выкладывайте начистоту, что замечательного у вас произошло.

– У нас? – в один голос испуганно откликнулась молодежь.

– У вас, голубки. Выкладывайте. Отчего это вы все сидите, будто на иголках? Чувствуется мне, что вам дали полную свободу, и вы успели уже что-то натворить и сейчас боитесь нам всем честно признаться.

– Мы? – Катя и Саша переглянулись.

Посмотрели они друг на друга, попытались в глазах, на лицах найти следы того, что обнаружил их не лишенный проницательности генерал.

– Вы-вы, – усмехнулся Ершов. – Кто же еще. То, что вы живете вместе, для нас давно не секрет. И несколько сие обстоятельство нас не беспокоит. Есть, наверное, что-то еще? Ну, говорите!

– У нас с Сашей быть киндер, – набравшись смелости, выпалила Катя и смущенно опустила голову, нащупала под столом руку соседа.

– Вот! – Ершов сразу же оживился. – Вот! Вот это уже новость, так новость. Ани, – он повернулся к дочери, – тебе не кажется, что что-то подобное мы уже когда-то проходили?

– Да, что-то схожее уже было, – произнесла Анна, и на ее лице появилась мечтательная улыбка.

Помнится ей, она назло всем решила завести ребенка, чтобы никто не смог бы у нее отнять ее любимого. Не заметив в поведении дочери ни следа беспокойства, генерал повернулся к зятю:

– Владимир, а тебе это ничто не напоминает?

– Да, припоминаю, Павел Евгеньевич, как ты меня всерьез грозился в Тмутаракань закатать, – усмехнулся Григорьев.

– А вы это о чем? – Анна поглядывала то на отца, то на мужа.

Дошло до нее, что столько воды с той самой поры утекло, а она так и находилась в полном неведении насчет их одного давнего разговора.

– Владимир, что, твоя жена до сих пор еще не все знает? – Ершов заговорщицки подмигнул зятю и громко расхохотался. – Кремень...

– И что произошло? – Анна в нетерпении подтолкнула мужа.

Смущенно улыбающийся Григорьев вынужден был раскрыть один свой давнишний секрет:

– Да, Аня, твой отец приехал к нам в часть и хотел купить меня. Сулил мне золотые горы, лишь бы я от тебя навсегда отказался. А когда не вышло, то стал жестко грозить мне, обещал стереть меня в порошок.

– Папа, что, правда? – дочь вскинула на отца удивленные глаза.

То, что она услышала, как-то не вязалось с ее отцом, с тем ореолом, который она сама в свое время возвела вокруг Ершова и его имени.

– Ани, – Ершов смущенно поежился. – Я же тогда должен был как-то узнать, что имеется за душой у моего будущего зятя.

– Узнал? – Анна строго качнула головой.

– Узнал. Кстати, Владимир остался вовсе не в обиде на меня.

– Конечно, – усмехнулся Григорьев. – Сначала человека немного потоптали, наглядно показали ему всю ничтожность его бытия, а потом вознесли наверх. До обиды ли было мне в тот момент? Я был готов ко всему, кроме самого последнего предложения грозного московского генерала. Оно затмило собой все...

Анна казалась совершенно сбитой с толку. Ее сильно обескуражило то, что раскрывалось перед нею. Женщина с трудом пыталась уловить логическую цепочку всего происходившего за ее спиной лет двадцать тому назад, может, чуть больше того...

– Какого? – Анна буквально поедала мужа горящими глазами. – Что папа еще тебе предложил? Ну, не тяни...

– Ехать знакомиться с будущей тещей. Марта нас ждала, мы...

– И ты мне ни разу не удосужился о том рассказать! Владимир!

– Зачем? Это был наш, Аня, чисто мужской разговор. К тому же, ты и сама не все знала о действительной роли генерала в твоей судьбе. В то время своим отцом ты считала совсем другого человека...

– Да ну вас, мужиков, – произнесла Анна и махнула рукой.

– Нет, чуяло, чуяло мое сердце, – Ершов, выдержав паузу, вернул разговор в прежнее русло. – Подсказывало мне, старику, что не зря этот сорванец взял да намылился служить именно здесь. А я-то, наивный, еще успокаивал себя тем, что парень, должно быть, поумнел, захотел и сам продолжить славное дело отца, пойти по его стопам в прямом и в переносном смысле слова. А его, оказывается, только и прельщали одни прекрасные глазки одной небезызвестной всем нам особы.

Взоры присутствующих обратились на Сашу. Хотя особой вины за собой не чувствовал, парень готов был от стыда провалиться под стол.

– Ну, ты, дед, скажешь тоже, – выдал из себя, машинально потрогал разгоревшиеся уши.

– Нашему парню даже стыдно стало. Значит, человек еще не совсем потерян для общества. Владимир, ты в старой части проведаль, как там наш разбойник себя вел? Надеюсь, не как генеральский сыночек?

– Говорят, что все находилось в пределах. И совсем недавно второе место занял в конкурсе среди командиров взводов.

– Всего-то второе место? – обескураженно переспросил Ершов. – А почему же не первое?

В его понимании, любое место ниже первого – поражение породы. Самые максимально высокие задачи ставил он всегда перед собой. Того же генерал неукоснительно требовал от своих потомков.

– Ну, ты, дед, и захотел, – с видимой обидой в голосе протянул внук. – В полку первое место для обычных смертных было недостижимо. На него имелся свой железный претендент.

– И кто он, любимец удачи, – насупился Ершов, – если не секрет?

– Валишев, Рэм. Вы бы видели, как он стреляет! Я стоял на пунктах на последних учениях и сам наблюдал. Для него нет разницы, из чего стрелять и чем стрелять. Все были в восторге. У него прирожденный талант. И это с ними мы сегодня прощались...

На раскрасневшемся лице Саши проявились следы воодушевления, когда он с жаром рассказывал про своего лучшего друга.

– Постой, а разве Валишева не вместе с тобой перевели? – удивился Григорьев-генерал. – Он должен был попасть с тобой в учебку.

– Нет, папа. Он едет командиром взвода в наше училище.

По лицу Владимира пробежалась тень. Он поморщился, досадуя на собственный недостаток. Налицо результат его невольной оплошности.

– Жалко, пропадет парень. Видать, его документы где-то в штабе Группы перехватили. Но за всем из Читы не уследишь. Значит, такова у него планида. И придется тебе, Сашка, дальше одному шагать.

– Одному, так одному... – Саша пожал плечом.

– Почему есть ему одному быть? – наконец, подала свой голосок притихшая Катя. – Мы есть с ним вдвоем быть. Вместе легче быть...

Девичьи пушистые реснички разом колыхнулись в волнительном движении. Как же это они все по кругу про нее-то забыли?! Непорядок!

– Да, конечно, Кэт, вместе легче, – подключилась и Клэр. – Так-то оно так. А как же, дочка, быть с твоей учебой? Забросишь ее...

– А зачем Катке учиться? – лукаво поглядывая на смущенную девушку, вкрадчиво произнес Пауль. – Кэт же у нас девушка неглупая, достаточно воспитанная. Богатая наследница. Остается только ей мужа толкового подобрать. Сделать его при себе принцем-регентом, и живи потом себе, Катенька, на здоровье. Радуйся и наслаждайся беззаботной жизнью, – словно подкрепляя свои слова, профессор при этом довольно недвусмысленно жестикулировал руками.

– Ein Moment! – Катя от переполнившего ее возмущения часто захлопала ресничками. – Я есть учебу не бросать, nicht! Я есть растить киндер и продолжать учиться. И Саша есть мне помогать. Так есть, Саша? – девушка с лаской и с большой надеждой посмотрела на своего любимого. – У тети Ани есть все получаться, и у меня есть получаться! – выдала она и упрямо поджала губки.

– Правильно, дочка, не слушай ты их, – Анна пришла на помощь своей будущей невестке. Ее тоже, помнится ей, пытались запугать всякими трудностями.

– Тогда время у нас было другое. Совсем другие обстоятельства. Деваться им было некуда, – вскользь заметил Ершов.

– Жизнь-то все равно, – резонно отпарировала его дочь, – хочешь ты этого или не хочешь, требует своего. Не стоит нам делать трагедию.

– Да что с них возьмешь. Одна порода Григорьевых чего стоит.

– Тише, папа, тише, – дочка укоризненно посмотрела на отца. – Если ты еще не знаешь, то у нас инициатором была именно я. А это уже твоя порода, Ершовых. И от этого тебе никуда не уйти.

– Тоже верно. И мама твоя мне то же самое сказала, – Ершов глубоко и тяжело вздохнул. – Ладно, чего уж огород городить, раз дело сделано. Что с ними дальше-то будем делать? Надо, наверное, теперь как-то узаконить их отношения? Как вы все на этот счет думаете?

Сам-то лично генерал был не против, и весь разговор затеял лишь для того, чтобы напомнить молодым об ответственности их шага.

– Свадьба есть не надо, – с независимым видом выпалила Катя.

– Тебе она сейчас не нужна, стрекоза, – мягко пожурил ее Ершов. – А каково будет твоим родителям смотреть в глаза окружающим? Дочь всеми уважаемых людей родила неизвестно еще от кого. В подоле, еще скажут, ребенка принесла...

– Как это? – девушка заерзала на стуле. – Он есть рядом сидеть.

На ее лице выступило непонимание. И какие тут еще могут быть проблемы? Но кто-то за их столом думал несколько иначе.

– Ну, милая, это мы с тобой знаем, а вот другие. Всем же не будешь направо и налево объяснять, кто он такой и что из себя представляет. Клэр, Виктор, вы-то чего сидите и молчите? Родители, называется...

– Да неожиданно, – растерянно произнесла Клэр. – Помнится, кто-то нам обещал, что пока учится, то ни-ни.

– Быть-быть, – Катя сокрушенно вздохнула. – Но это есть сильнее меня быть. Так мне есть своего маленького киндера хотеть...

Вся смущенная, она произнесла свои слова с таким подъемом и вдохновением, что присутствующим уже не оставалось ничего другого, как взять и весело рассмеяться.

– Дети, ну чистые дети, право слово, – проворчал Ершов. – А все туда же, – он ласковой рукой провел по волосам девушки. – Женить их надо. Один черт когда-нибудь да пришлось бы поженить. Но знаете! – он с мечтательной улыбкой поднял правую ладонь вверх. – У меня же

скоро появится правнук, – в голосе отставного генерала появились новые торжествующе горделивые нотки.

– Ну, кому что, а деду еще один внук, – протянула Анна. – Мне вот, может, совсем еще не хочется бабушкой становиться. Может, мне еще хочется побыть молодой... – она притворно вздохнула. – Мне всего-то за тридцать с хвостиком лет. Я, может, еще только жить начала...

– Или уже под сорок? Что-то ты, мать, все путаешь, – Григорьев с обожанием смотрел на жену-красавицу, их общую любимицу, которая всегда была душой всей компании. – Вот видишь, боец Крюгер, когда вышли тебе боком проделки разведчика. Не надо было так рано рожать. Была бы до сих пор молодой матерью...

– О, Во-лодь-я! – нежно протянула Анна, как когда-то много-много лет тому назад. – Случись все снова, я поступила бы точно так. И я благодарна своей судьбе за то, что в тот вечер мы проникли именно на тот склад, именно в ту самую часть, – глаза ее затуманились.

Отставной генерал хотел что-то добавить про тот самый пожар, но, глядя на дочь, он не стал ворошить угли, лишь поставил ближайшую задачу своему зятю и самому себе:

– Надо нам вопрос хорошенько проработать. Я думаю, что никто из присутствующих не станет возражать, если свадьбу устроим в Москве. Не будем отходить от нашей давней традиции...

...Расширенный семейный совет обстоятельно, всесторонне, весьма скрупулезно обсуждал подготовку к предстоящей свадьбе.

– Свидетелями мы можем пригласить нашего Юрка и его жену Светлану, – Ершов выдвинул неплохую и подходящую к их случаю, на его взгляд, кандидатуру своего племянника.

– Нет! – в один голос уперлись молодые. – Мы хотим Дину и Рэма.

Старый генерал изучающе посмотрел на внука и на его невесту.

– Ребята, мы с вами так не договаривались, – Ершов нахмурился. – Мы предполагали, что обойдемся своими и близкими нам людьми.

– Друзей ближе, чем они, у нас нет, – молодежь твердо стояла на своем и ни на йоту не уступала. – Ни на кого другого мы не согласны.

– Иди, дед, звони Юрку, – Анна похлопала отца по плечу. – Может, он сам у себя и без твоей помощи со всем разберется.

– Ладно... – Ершов обреченно взмахнул рукой.

Его порода. Кремень-порода. Обухом топора не перешибить...

– Пусть будет так, как на этом настаивает детвора. Все-таки это их праздник. Но на всякий случай мы подстрахуемся, позвоним Мальцеву.

– А это еще кто? – Анна удивленно посмотрела на отца.

– Мальцев? – Ершов прищурился.

Тень, живо пробежавшая по лицу генерал-лейтенанта в отставке, явно свидетельствовала о том, что бывший военный разведчик, видно, на мгновение задумался: выдавать еще один секрет или промолчать?

– Ну, насколько я понимаю, Мальцев – отец Виктора и, выходит, дедушка нашей Катеньки.

– Как есть как? – девушка озадаченно моргнула.

Слегка уже покрасневшие от напряжения Катины ушки сами по себе стали произвольно вытягиваться в сторону Ершова.

– Павел Евгеньевич, это есть... можно... вы... с этого момента есть подробнее быть. Что-то именно об этой страничке семейной жизни есть мне известно совсем ничего быть.

– Катенька, – Ершов снисходительно посмотрел в сторону будущей невестки. – Ты у нас достаточно взрослая и вправе все узнать. После войны у твоей бабушки Рут был друг – русский офицер.

– Ну, это есть я слышать, – недовольно протянула Катя.

Особого секрета из далекого и не весьма отдаленного прошлого в их семье никогда не делали. Ее бабушка излишними комплексами не страдала, обо всем говорила прямо и открыто, без излишних обиняков.

– Погоди, егоза, дослушай. Звали его Александром Мальцевым.

– Так... ах, вот есть откуда имя у моего дяди Александра быть.

Внезапное открытие, учитывая вновь выявившиеся факты, лежало на поверхности. Хорошенькое дельце! Столько лет про то скромно при ней молчали. Это она говорит про бабушку и про генерала Ершова.

– Бабушка есть дядю в его честь назвать...

– Вполне возможно, что и так. Теперь ты, наверно, сама догадалась о том, кто был отцом у твоего папы и его брата.

– Теперь есть чуточку понятно быть, – напряженно думая, Катя нахмурилась, дотронулась пальчиком до губ.

– Твой бравый дед, исключительно благодаря горячему ходатайству твоей бабушки через Марту Крюгер, родную бабушку твоего жениха, перевелся не без моей помощи в военную комендатуру города. Так он по этой линии дальше и пошагал. А я его практически никогда не терял из поля зрения. Рут в свое время не стала силой удерживать его около себя, и они расстались. Тихо и без скандалов...

– И куда есть он деться?

– Последнее время наш Мальцев служил в должности военного коменданта гарнизона в городе, где учились наш Юрок и этот молодой человек, – Ершов кивнул в сторону Саши. – Это через него мы в свое время подыскивали работу для Светланы, жены Юрка.

– Я, – девушка задумчиво поморгала ресничками. – Да, есть и мой второй дед найтись. А он есть про меня знать?

– Знает, Катенька. Совсем немного, но знает...

В сжатом виде Ветров передал содержание всего долгого разговора в части, их, Рэма и Дины, касающейся.

– Юра, я бы это... с удовольствием. Но кто меня туда отпустит? – Рэм с озадаченным видом постукивал прутиком по голенищу сапога. – Дина еще, как назло, на днях собралась выходить на работу. Ну, она-то, допустим, сможет договориться. Ей-то пойдут навстречу. Она там, как приехали, чуть ли не каждый день пропадала. А что делать мне?

– Рэм, это все просто и решаемо. Мы с тобой идем в санчасть и берем освобождение на трое суток. С моим и твоим комдивами я уже договорился. Они согласны. Им вполне достаточно справок о том, что мы нуждаемся в освобождении от исполнения служебных обязанностей по состоянию здоровья. Всего-то дел. Нужна одна бумажка...

– Но я совершенно здоров, – Рэм пожал плечами. – Кто же в нашей санчасти поверит тому, что я чем-то серьезно болен?

– Рэм, там тоже сидят обычные люди. Ну и наивен же ты, братец, в иных бытовых вещах. Надо правильно подойти к решению вопроса.

По губам капитана перекатывалась ироничная улыбочка, но не это в данный момент больше всего смущало молодого лейтенанта.

– Не знаю, – нерешительно протянул он. – Я там ни разу не был.

– Вот и побываешь. Когда-нибудь тебе, рано или поздно, все равно пришлось бы посетить наше лечебное учреждение.

– Хорошо, Юра. Только с медиками ты сам будешь разговаривать.

– Ладно, – Ветров рассмеялся. – Если ты сильно настаиваешь. Ишь, покраснел, как девочка, будто я его на тяжкое преступление толкаю.

– Как сказать... – лейтенант сконфуженно нахмурился.

Лично ему никогда не нравилось, когда некоторые увивали от службы под самыми разными предложениями. Сами на рожу здоровы, как быки, а книжки у них медицинские все раздулись от частых записей. Впору клиенту гроб заказывать. И в церкви пора бедолагу отпевать...

3

Через два дня они все уже летели в Москву. Ветровы, видно, чинно подремывали, уютно устроившись в полуопущенных креслах. Всю свою детвору Светка оставила на попечение близкой подруге. Лягушонок тоже остался дома под присмотром бабушки. Дина наклонила голову к плечу мужа, и они нежно ворковали. Клубочек их разговора катился, забегая и туда и сюда, а нить его разматывалась и разматывалась.

– Дина, я все хотел у тебя спросить...

– Дерзай, милый, – жена презабавно задергала носиком.

А все неудобство у нее, оттого что муж, коварно воспользовавшись тем, что она прикрыла глаза, водил по ее лицу тоненьким волоском.

– Дина, твоя бабушка у нас. И кто следит за ее домом?

– А что?

– Она оставила твоего дядю Оскара одного? В свое время он любил заложить за воротник. Он до сих пор еще пьет? И дом остался на него?

Чуть-чуть приоткрылся ленивый глаз. Ей следовало признать, муж у нее настолько деликатен и тактичен, что раньше этот вопрос он всегда старательно обходил стороной. Выдержав паузу, Дина ответила:

– Она сказала, что дядька взялся за ум. Как только у нас разрешили, он одним из первых организовал торгово-закупочный кооператив.

Муж моргнул и удивленно прищурился:

– Да? А на какие шиши?

– Бабушка заложила свои фамильные драгоценности.

– Я, дорогая, о существовании у вас сокровищ ничего не слышал.

– Я тоже. Бабушка, когда отстала от поезда и потерялась, не сразу обнаружила, что у нее на шее висит какой-то мешочек. Наверное, это ее мама надела ей, когда их бомбили. Я тебе их покажу. Бабушка дала мне их, чтобы я одела на свадьбе. Там сережки, цепочка, браслет и колечко.

– Дорогие? – муж выжидающе прищурился.

Начавшийся практически с ничего разговор супругов становился все интереснее и захватывающее.

– Страшно даже сказать! – Дина, оживляясь, округлила глазки. – Я сначала ей ни за что не поверила. Знаешь, на них на всех вензель есть одинаковый. Возможно, что это был цельный гарнитур.

– Слушай, Динка! – возбужденно протянул Рэм. – Может, ты у нас отпрыск древней княжеской или графской фамилии? Мнится мне, что ты когда-то и что-то приплетала мне про графов Чарторыжских...

Женщина прикрыла глазки. Как давно же это было, но в памяти все сохранилось до единого словечка. И муж помнит еще каждый ее вздох и каждое ее малейшее движение в тот памятный день, после которого они стремительно полетели навстречу друг другу.

– Да, помнится, бабушка говорила, что это были их лучшие друзья и она почти все время проводила в их поместье под Львовом.

– Тогда, можно было бы предположить...

Бурная фантазия влекла Рэма все дальше и дальше, и он на ходу начал выдвигать соответствующую их случаю околону научную гипотезу.

– Можно, Звездочка, предположить, что твоя бабушка или, скорее всего, ее мать была внебрачной дочерью старого графа. Недурно, да, мы с тобой тут придумали? Ваша светлость, – Рэм изогнулся в глубоком поклоне, – я больше не смею поднять на Вас свои глаза, недостой-

ные лицеизреть столь важную особу. Прошу Вас, Ваша светлость, милостиво простить меня за всю мою предшествующую неучтивость, допущенную токмо из-за моего полного неведения. Каюсь, каюсь в содеянном мною. Прошу простить вину холопа своего и не казнить его за это.

– Ох, Рэмка-Рэмка...

Глядя на разошедшегося мужа, Дина покатывалась со смеху. Какой же он, что тут ни говори, душка, и как она любит его такого, любит.

– Ох, и баламут ты у меня и балабол. Но, если это так, то ты, милый мой, должен понимать, какой чести ты удостоен, сидя рядом со мной.

– О, я твой смиренный раб, моя госпожа, и готов целовать пыль твоих туфель, след, оставленный твоей прекрасной ножкой...

Сладкоголосый соловей воодушевленно заливался еще минут пять, пока не остановился, чтобы перевести дух.

– Ох, и уморил ты, Рэмка, меня. Тоже мне нашелся один знаток и ценитель восточного этикета. Хотя, – тут Дина хитро прищурилась, – если мне не изменяет память, и ты у нас потомок какого-то бая?

– Как же можно, пани-госпожа, – Рэм недоуменно и одновременно подобострастно возвел свои глаза к самому потолку, – ставить в один ряд полуграмотного туземца и ясновельможного пана?

– Будет же, Рэмка, тебе, дорогой мой, посыпать свою головушку пеплом. Не прибедайся. Ты и только ты для меня и есть самый-самый лучший. Ты – мой любимый господин. А я у тебя, – женщина томно потянулась, – любимая и немного избалованная невольница...

Во Внуково их встретили и сразу отвезли в шикарную гостиницу.

«Россия» – мечта каждого командировочного и гордость того, кто там все ж устроился. Рэм усмехался, глядя на окружившую их роскошь: хоть пару дней, гуляя на чужом пиру, почувствовать себя человеком.

Подъехали молодые, со всех сторон обошли, осмотрели и весьма скептически оценили их, как им до поры до времени казалось, вполне еще приличные наряды и, в конце концов, начисто все забраковали.

– Катенька, а у нас других-то и нет, – тихо шепнул Рэм на ушко невесте. – У нас-то с Динкой богатых-то родственников за бугром не водится. А ты вот, Принцесса, лучше скажи-ка мне, когда это ты, девочка, такой арбузик успела проглотить? – он беззастенчиво провел рукой по ее округлившейся фигуре. – Оттого у вас и вся спешка.

– Тебе есть так все сказать, – Катя даже не попыталась сделать вид, что хоть капельку смутилась. – Но ты есть меня в сторону от дела не уводить. С вашими костюмами есть все равно надо решать. Сашенька, ты есть сейчас же их брать и в салон возить, – она предупреждающе подняла руку, чтобы еще в корне, в самом зародыше, придушить все их возможные возражения. – Все есть за счет принимающей фирмы.

Битый час прошел, как Рэм вернулся и, не спеша, прогуливался у входа в гостиницу. Дина и Катя безнадежно застряли в ателье высокой моды. И мужчина, махнув на все рукой, покинул их не в силах больше выдерживать бесконечно затянувшиеся примерки.

Взвизгнули тормоза. Крутая черная «Волга», словно уткнувшись в преграду, встала. Открылась дверца. Из-за нее грациозно показалась точеная женская ножка в изящном черном чулочке, и Рэм спешно увел свои глаза в сторону, опасаясь, что покажется не слишком скромным.

Откуда же было ему знать, кто является обладателем оной красоты. Вдруг, на его беду, дивно прекрасной дамой окажется чопорная жена партийного босса, заносчивого и чванливого, что приехал на очередной Пленум ЦК КПСС, проходящий как раз в эти самые дни.

Состряпав безразлично-скучающий вид, парень зашагал дальше.

Цок-цок-цок. Он прислушался. Каблучки шли явно за ним и, судя по звуку, приближались. Они идут за ним, хотелось ему знать, или им по пути, и следует ему остановиться, галантно пропустить даму вперед?

– Рэм, это вы? – приятный голос женщины за спиной пока ничего определенного и конкретного ему не говорил. – Рэм, постойте!

Бесцельно прогуливающийся мужчина повернулся к даме лицом, и глаза его сами по себе и непроизвольно расширились от удивления:

– Зоя? Вы? Извините. Вот совсем не ожидал вас здесь встретить. Вы перебрались жить в Москву? И как давно?..

Прелестные женские губки сложились в чуть ироничной улыбке:

– Нет, я тут со своим шефом. У них очередное плановое собрание.

– Понятно, – Рэм безразлично пожал плечами, как будто слышать подобное являлось для него делом самым что ни на есть обыденным.

Все приличия им были соблюдены, можно ему на том откланяться. Он начал открывать рот, чтобы вежливо попрощаться, но женщина явно не имела желания прекращать их мимолетную встречу. Останавливая его движение, она изящным взмахом руки дотронулась до его плеча:

– Рэм, а вы тут... каким ветром? Дина... Дина с вами?

– Да, со мной. Только они задерживаются. Платье они себе выбрать никак не могут. Ох, уж эти женщины. Беда с ними...

А Зою некая двусмысленность его высказывания никак не смутила.

– Можно, я с вами ее подожду? – она мило улыбнулась.

– Сочту за превеликую честь, – он картинно согнулся в изящном полупоклоне. – Всю жизнь, знаете, мечтал пройтись с яркой красавицей, протянувшей со своего далекого высока руку одному из сирых червей.

– Не ерничайте, Рэм, пожалуйста...

Наверное, он несколько перестарался в своем желании уколоть ее, и у Зои болезненно дернулась щека. Вздыхнув, она прищурилась:

– Это вы мне в отместку за то, что я когда-то отвергла вашего брата Марата? Поверьте мне, я искренне раскаиваюсь в своем поступке. Мы – не пара. Передо мной стояли иные жизненные цели.

– Простите меня, Зоя. У меня вырвалось. Никак не ожидал вас здесь увидеть. Можно, я угощу вас кофе? В знак нашего примирения? Только подружке вашей у портье мы записку оставим...

Перемерив весь имеющийся в наличии гардероб, Дина вернулась в гостиницу, перечитав послание, оставленное мужем, поспешила к ним.

– Рэмка, может, ты вернешься в номер? – шепнула жена, коварно избавляясь от третьего лишнего. – Тебе же с нами будет скучновато.

– Ясно, – Рэм обескураженно улыбнулся. – А мне шибко хотелось узнать про то, как же живут наши партийные бонзы, чем это они там, в своем заоблачном поднебесье, дышат, чем же еще собираются дурить голову нашему без меры доверчивому народу и дальше.

– Милый, я тебе потом все в части, тебя касающейся, передам, – неуловимые для других, но хорошо читаемые им самим движения ее столь очаровательных глазок недвусмысленно показали ему, в каком именно направлении находится кратчайший путь к выходу.

Одними губами Рэм прикоснулся к холеной ручке, протянутой Зоей, и, насвистывая «Прощание Славянки», гордо удалился восвояси.

– Он не обиделся? – глядя ему вслед, спросила Зоя.

– Рэмка, что ли? Нет, что ты, – по лицу Дины скользнула улыбка, – он у нас человек понятливый...

Встреча двух давних подруг явно затягивалась. И Рэм, убаюканный монотонными головами, доносящимися из включенного телевизора, где битый час скучно рассуждали на живо-трепещущую тему о преодолении пьянства и алкоголизма, захлестнувших в одночасье всю их огромную страну, начал, было, подремывать.

Временное затишье следовало использовать с самой максимальной пользой. Покамест рядком находились Катя и Саша, от них постоянно следовало ожидать чего-то взрывного, неординарного. Рэм всегда в их присутствии ощущал себя, как на пороховой бочке.

Стараясь особо не шуметь, в номер тихо проскользнула загулявшая жена. Узрев мужа, прикорнувшего на краешке постели, она выключила телевизор, на цыпочках пробралась в ванную и только там облегченно вздохнула. К счастью, в этот вечер ее долгого отсутствия муженек не заметил. Если ей быстренько почистить зубки и сполоснуть ротик...

– Можешь сильно не стараться, дорогая, – как гром посреди ясного неба, услышала она над своим ухом. – Ты поднималась по лестнице, а я уже понял, что одним кофе дело у вас не обошлось. А перестук твоих каблучков в коридоре ясно показал, примерно в какую дозу отмечание у вас вылилось. Надрались подруженьки. Прогнала мужа, радость моя, и расслабилась, почувствовав отсутствие контроля. Было такое?

– Было, дорогой, каюсь...

Мужние знающие свое дело пальчики медленно пробежались по ее обнаженной спине, заставили тут же напрячься, сбили разом дыхание и повернули поток мыслей в совершенно ином направлении...

Проснулись супруги от стука в дверь, тихого, но настойчивого. Так ведут себя только те, кто уверен в том, что им обязательно откроют.

– Рэмка, сколько времени? – простонала Дина.

– Около шести.

– Чего? – пораженно расширились ее глазки. – Утра?

– Нет... – ухмыльнулся, подсмеиваясь над нею, муж. – Вечера...

Дина поморщилась, словно откусила сразу пол-лимона. Сплошное, на ее взгляд, безобразие. Сие ни в какие рамки не лезет. И если учесть то, что вернулась она поздно, спать они легли далеко за полночь...

– Ты, случайно, не знаешь, кого в несусветную рань принесло? – превозмогая головную боль, прошептала Дина.

– Хочу я ошибиться, но, кажется, догадываюсь, – Рэм, недовольно качнув головой, поднялся, накинул халат и направился к двери.

– Есть открывать! – услышал он то, чего больше всего боялся.

– У вас чё, роспись перенесли на самое утро? – сонно позевывая, спросил он. – И вы пришли поставить нас об этом в известность?

– Мы есть решать, что есть я с тобой вальс танцевать...

Движением ладони Рэм согнал с лица усмешку. И без тени какого-то смущения Катя сразу же взяла быка за рога. На них столь похоже!

– Господи! – донеслось откуда-то из-под одеяла. – А нельзя было сообщить об этом чуть раньше, вчера, например. Или хотя бы чуточку попозже, в обед, к примеру? – поплыл по номеру жалующийся стон.

– Что есть с ней быть? – Катя сделала удивленные глаза.

– Это... это у нее, наверное, головка бо-бо. Кто-то вчера встретил свою старую подружку. Никак не мог с нею расстаться. И вот...

– Мы есть подруга приглашать! – одним решительным жестом Катя по ходу решила и эту проблему. – Собирайтесь! Ехать! Репетировать!

– О! – в отчаянии простонало разбитое головной болью создание.

Невозмутимость Кати легко и запросто могла совершенно сбить с толку любого и одновременно надолго вывести его из себя.

– Саша, – Рэм решил поговорить с другим человеком, более, по его мнению, адекватным, – скажи-ка мне, я сам схожу с ума, или весь мир сдвинулся с катушек? Хоть ты объясни, что и к чему, как и почему...

– Ну, мы вчера подумали...

– И Катя решила... – Рэм усмехнулся.

– Выйдет удачно и красиво, если невеста станцует со свидетелем, а потом жених пройдет по залу со свидетельницей. И записать все на видео. Классная память осталась бы!

– А где мы будем репетировать? – раздался голосок ниоткуда.

Казалось, звук шел из-под самого потолка. Рэм быстро обернулся и в маленькой щелке заметил весьма заинтересованный глазик.

– Дед нашел нам одну танцевальную студию. И дали ее только до девяти утра. Машина ждет нас внизу.

Через часик девушка с остаточными похмельными последствиями окончательно пришла в себя и стала в состоянии не только давать всем одни полезные советы, но и самой показывать, а вскоре и придумывать.

– Рэмка, давай-ка, и мы устроим им сюрприз...

Свадьба-свадьба. И все по высшему разряду, как в лучших домах.

– Ораниенбургский вальс! – гулко стукнув посохом, громогласно объявил всем организатор бала в старинной, вышитой золотом ливрее и величественным движением холеной руки потребовал, чтобы все гости и приглашенные немедленно заняли места возле стенок и за столами.

Катя танцевала легко, самозабвенно, слившись воедино с плывущей по залу музыкой. А Рэм вел ее своей опытной рукой, стараясь самому при этом действе оставаться в тени, подчеркивая все достоинства своей прекрасной партнерши. Катины глаза ярко разгорелись. Полуоткрытые губы воодушевленно шептали...

Дав гостям вдоволь налюбоваться невестой, в круг вошла вторая пара. В этот самый миг взгляды всех присутствующих гостей невольно перекинулись на очаровательную партнершу жениха.

– Паша, где вы откопали такую прелесть? – не выдержав, спросила у брата Наталья Евгеньевна. – Я ее никогда раньше не видела.

– Это, Ната, и есть та самая девушка, – тихо шепнул Ершов своей младшей сестре, матери Юрка, – которая помогла твоему непутевому сыну заново обрести свою по глупости утерянную им семью.

Несколько строгий взгляд у Натальи Алексеевны просветлился, и глаза ее зажглись теплотой. Она позволила себе выразить свой восторг:

– Как она, Паша, танцует! Так же, как и я в пору своей молодости. А как танцевала наша мама, урожденная княжна Трубецкая!

– Да, – кивнул отставной генерал, – пришло время, когда можно не стыдиться оно, говорить прямо и открыто. А скоро мы станем этим гордиться. Мы – потомки славного и великого рода князей Трубецких...

Звуки оркестра становились все тише, тише и оборвались. Пары по инерции докружились и замерли в центре зала, сорвали бурю оваций.

– Это быть мой лучший танец! – выдохнула Катя. – Спасибо, Рэм.

– Катя, ты была прекрасна, – шепнул он ей в ответ, нисколько не кривя душой. – Спасибо за полученное удовольствие танцевать с тобой.

Раскрасневшийся жених поднес к своим губам нежные пальчики своей обворожительной партнерши:

– Дина, у меня не хватает слов, чтобы выразить свое восхищение. Порой мне казалось, что я в своих руках держу богиню.

– Спасибо, Сашенька, – Дина признательно улыбнулась, – ты тоже был весь хорош. Без твоей помощи у меня одной ничего не вышло бы.

Никто вокруг даже не заметил, как минут через десять свидетель и свидетельница один за другим выскользнули из зала.

Стихла музыка, громко стукнул об пол посох устроителя бала:

– Посвящается новобрачным. Танец двух влюбленных сердец.

Свет в зале неожиданно погас. А когда лампы снова зажглись, то по столикам волной прокатился приглушенный шепот, слышались тихие возгласы неподдельного изумления и несдерживаемого восхищения.

Жгучая брюнетка замерла рядом со смуглым красавцем, длинные волосы которого собрали в тугую косичку. Глаза у девушки ярко горели из-под черной маски. Ее грудь, едва прикрытая короткой и прозрачной блузкой, бурно вздымалась и приковывала к себе глаза всех мужчин. Их спутницы смущенно и с понятным негодованием тыкали в бок самцов, потерявших скромность. Левая нога дивы грациозно изогнулась, никак не скрываемая длинной юбкой и открытая для всех нескромных взоров боковым разрезом, тянувшимся вдоль всего изящного бедра и выше...

– Катя, мнится мне, что у нее там, под юбкой, больше ничего вовсе и нет, – заинтригованно протянул жених.

– А тебе бы, Сашенька, есть хотеть туда заглянуть.

– Да что ты, Катенька! Я так, к слову, – несколько сконфуженно выдавил из себя малость пристыженный жених.

– Я тоже есть, к слову, сказать, – усмехнулась Катя. – Ты смотреть, смотреть, что есть они вытворять!

Влюбленный юноша наступал на гордую и неприступную девицу. Но та упрямо отвергала все его попытки приблизиться к ней и упорно выскальзывала из его рук. Вздох горестного разочарования пронесся по залу, когда прекрасный идалго после очередного неудачного приступа обреченно взмахнул рукой и, что-то страстно и отчаянно шепча, стал медленно удаляться от беспредельно капризной недотроги.

Поняв, что чуток перестаралась, жеманница тут же скинула с себя всю горделивую спесь, кинулась вдогонку за своим возлюбленным. Ее руки страстно прошлись по его груди. Она, изогнувшись, прижалась к его спине. И юноша, согретый жаром ее сердца, оттаял, воспрянул...

– Сашка, глядеть, они есть сейчас этим прямо на наших глазах заняться, – не выдержала Катя накала страстей, кипящих на паркете. – Это есть ты мне говорить, рассказывать, что они вдвоем могут черт знает что вытворять?

– Нет, Катенька, – Саша и сам был изумлен и немало потрясен. – Видал я у них разного и всякого. Но чтоб такое, прости меня, впервые.

Свет в зале снова погас, и влюбленная парочка под прикрытием темноты скрылась. Минут через пять с невозмутимым видом Рэм занял свое место рядом с невестой.

– Кажется, я что-то пропустил интересного? – с ленцой спросил он, позевывая и прикрывая рот ладонью, у своего соседа слева.

– Тебе не повезло. Тут аргентинцы перед нами выступали, – важно ответил напыщенный тип, гордый тем, что их удостоили редкостного и экзотического для их мест зрелища. – Там эдакое умеют. А наши в этом деле, прости меня Господи, чистейшие слабаки.

– Жалко, – проронил Рэм, пряча свою улыбку. – Эка незадача...

Минут через десять появилась Дина и, послав мужу воздушный поцелуй, подседа к Зое.

– Динка, признайся, то были вы? – стараясь скрыть свое удивление, спросила подруга. – Колись, я больше никому не скажу. Я так и думала. Ну, вы, ребятки, и даете. Никогда бы не поверила в такое, не зная за тобою кое-каких тайных талантов, а один из них – явную склонность к перевоплощению. Теперь-то я начинаю понимать, почему ты тогда без оглядки, бросив все, уехала на Юга к этому мальчику.

– Был когда-то мальчиком, – поправила ее Дина и, прикрыв глаза, представила себе Рэма таким, каким он был пять лет назад.

– Да, ты права, – Зоя грустно вздохнула. – Сейчас мальчишка стал настоящим мужчиной, обаятельным и весьма привлекательным.

– И временами жутко обольстительным, – с мечтательной улыбкой на губах протянула Дина.

Тихо звякнул столовый ножичек в предательски дрогнувшей руке, но Зоя быстро совлала с собой, душевно произнесла:

– Повезло тебе с ним, подруга. И ему с тобой повезло.

– Да, нам обоим повезло...

– А мне – нет, – на лице у Зои снова появилась печальная улыбка.

На ее взгляд, счастье всегда старательно обходило ее стороной...

Стараясь не показаться особо назойливым, Пауль давно поглядывал в сторону красивой и молодой незнакомки, которая в данную минуту оживленно болтала со свидетельницей. Ему стало понятно, и о том сам собой напрашивался вывод, что красавица близко знакома с Диной. На всякий случай он решил этот факт уточнить у своего племянника.

– Саша, – задал он вопрос сияющему от счастья жениху, – с кем так мило болтает наша Дина?

– Это... это ее давняя подруга. Получилось так, что мы с Катей ее тоже пригласили. А что, дядя? – Сашка лукаво прищурился – У тебя к милой даме нарисовался определенный интерес?

– Ну, как тебе сказать... – протянул Пауль.

Родной племянничек уже не в первый раз пытался таким образом вогнать его в краску. Особенно в те времена, когда он столько времени проводил с Диной, помогая той в ее работе над диссертацией.

– Как есть, дядя, так и говори. Хочешь, я тебя с нею сведу?

– Сводник нашелся, – профессор по психологии смутился. – Да ну тебя, балагура. Как-нибудь в этом деле и без сопливых обойдемся. Ты вон лучше за своей невестой в оба глаза приглядывай. Смотри, как бы ее у тебя не украли. Умыкнут – не выкупишь...

– Спокойствие. С нею рядом Рэм. А за ним, как за каменной стеной.

Вдоволь наговорившись с Зойкой, Дина поискала глазами мужа и неспешно направилась в его сторону.

– Можно самую красивую девушку в этом зале, не считая невесты, пригласить на один танец? – знакомый голос заставил ее улыбнуться.

– С большим удовольствием, Пауль, – ее руки легко взмахнулись ввысь и опустились на его плечи. – С тобой, Пауль, хоть сколько...

– Дина, по большому секрету. Это вы танцевали перед всеми?

Свидетельница загадочно улыбнулась, но не ответила.

– Это были вы, – Пауль удовлетворенно кивнул головой. – Я узнал тебя, девочка, несмотря на твой роскошный парик и полумаску. По залу парили твоя душа, твоя горячая любовь к мужу, твои искрящие чувства. Ты все это замечательно выразила в своих движениях...

Дина смущенно потупилась. Конечно же, Пауль к этому времени настолько ее хорошо знал, что он никак не мог ошибиться.

– Спасибо, Пауль. Мы старались. Думаю, что получилось неплохо.

– Не то слово, девочка. Я наблюдал, как у некоторых из мужиков слюнки начинали течь. Отдельные самцы приняли боевую стойку. Они тотчас ринулись бы в центр ринга, не будь рядом с ними их бдительных вторых половин. Вышло замечательно красиво и, надо сказать тебе, что довольно смело. Но я хотел бы поговорить с тобой не только об этом. Кто та девушка, с которой ты минуту назад столь мило беседовала?

– Моя подружка, – Дина приподняла голову и посмотрела кавалеру прямо в глаза. – Пауль, ты хочешь, чтобы я тебя представила ей?

– Если тебя не сильно затруднит...

Не стовариваясь, они изменили направление движения в танце и, когда смолкла музыка, оказались возле нужного им столика.

– Зоя, познакомься. Профессор Пауль Крюгер. Родной дядя жениха. Холост и вредных привычек не имеет. А по жизни милейший человек, – добавила она тихим шепотом, приблизившись вплотную к уху подруги. – Ой, извините меня. Кажется, мой муж без меня совсем заскучал.

Еще раз весело улыбнувшись, Дина упорхнула, оставив их вдвоем.

– Извините, Зоя. Я не хотел бы вам навязываться, но вижу, что вы весь вечер скучаете, сидите одна.

– Присаживайтесь, Пауль...

Некоторое время Зоя с почти нескрываемым интересом оглядывала человека, которого ей представили как всамделишного профессора.

– Вы так чисто, почти без акцента, изъясняетесь по-русски. Но вы все-таки настоящий немец?

– Да. Но наполовину...

– У вас мать была русская?

По открытому мужскому лицу загуляла загадочная улыбка.

– Нет, вы не угадали. Мама у меня была немкой. А вот мой отец, – Пауль повел глазами в сторону главного стола. – Видите, Зоя, пожилого мужчину рядом с женихом?

Вглядываясь, Зоя прищурилась:

– С осанкой, которая выдает в нем большого начальника или...

– Или же отставного генерала. Павел Евгеньевич Ершов. Генерал-лейтенант в отставке.

Мой отец.

– О-о-о! – Зоя по-новому глянула на своего собеседника.

Это ей становилось совсем и вовсе занятно и интересно.

4

Наконец-то, Дина добралась до своего мужа. По пути к нему ее еще пару-тройку раз перехватывали и приглашали на танец. Должно быть, изящная свидетельница многим мужикам пришлась по вкусу.

– Ты у меня, дорогая, сегодня просто нарасхват, – шепнул ей Рэм, не оставлявший без своего внимания все ее хаотичные передвижения.

– Милый, сегодня ты был в ударе... – Дина томно улыбнулась.

Ответный горячий шепот сладкой музыкой полился в мужское ухо, туманя сознание и разгоняя закипающую кровь.

– У меня внутри все до сих пор так и клокочет.

– Ты тоже, радость моя, была дивно хороша. Мои пальцы все еще мелко дрожат, помня прикосновения к твоей груди. Зря ты ничего не поддела. Твоя блузка ничего не скрывала...

Его слова нисколько не смутили Дину. Он произнес их не с укором, а с не скрываемым восхищением и даже с гордостью. Красота его жены достойна того, чтобы ею могли наслаждаться и другие.

– А у меня, дорогой, и сейчас ничего, кроме платья, нет. Хочешь самолично проверить и убедиться в том? Или слабо?

– Хочу, – он кивнул головой, уперся в нее разгоревшимся взглядом. – Только не здесь же, радость моя! Люди могут не понять...

– А где? – женские мысли крутились в сходном направлении.

– А все там же...

Поняв мужний намек, Дина согласно кивнула головой.

– По одному? – шепотом спросила она.

– Ты первая, – сказал он. – Ступай, королева моя...

Тихо прикрылась дверь за вошедшим мужем, наглухо отделила их от всего остального мира, плотно зашторила потусторонний мир.

– Попалась, которая на базаре кусалась...

– Ах, Рэмка! – вырвалось у нее, когда коротко вжикнула молния.

Роскошное платье, ничем уже не удерживаемое, спало с ее гордых плеч, открывая его давно уже нескромному взору немного смугловатые, чуть загоревшие и нежно-золотистого оттенка груди. Они походили на спелые груши, с притягивающими к себе розовыми сосками, к одному из которых муж и припал, довольно урча и облизываясь.

Открывая колени, обнажая бедра, Дина медленно подбирала подол, и его руки тут же скользнули вниз, проверяя правоту ее слов о том, что на ней отсутствует всякое нижнее белье.

– Убедился?

– Ты безумна, моя дорогая. Динка, ты... ты просто сумасшедшая. Я тебя обожаю. Я тебя люблю. У меня нет больше сил терпеть сладкую муку. Я хочу тебя.

– Иди ко мне, я вся твоя, – шептала она. – О... а... о-о-о... а-а-а...

– Тише ты, тише, – он крепко закрыл ее рот тянущим поцелуем, ощутив, как подрагивает ее тело в его объятиях. – Тебе было хорошо?

Раскрасневшаяся женщина удовлетворенно улыбнулась. Хорошо ли было ей? С ним? Он еще и спрашивает! Она кивнула головой еще не в силах членораздельно сказать, тяжело дышала и поводила из стороны в сторону широко раскрытыми глазами, совершенно обезумевшими от охватившего ее приступа безудержного счастья.

– Рэмка-Рэмка, это было что-то! Я умираю от любви к тебе.

– Нет, радость моя, ты не умирай. Ты живи вечно...

Чувствуя, как внутри у него все млеет, муж осыпал ее обнаженные плечи нежными поцелуями, вызывая в ней все новые и новые отзвуки затухающего ощущения испытанного ею острого наслаждения.

– Милый, так хорошо. Я хочу, чтобы это никогда не кончалось! И у меня совсем не осталось сил куда-то идти.

– Останемся здесь, – улыбнулся он на ее слова. – А утром нас тут найдут, голодных и вконец обессиленных.

– Но гордых и непобежденных! – пропела она и весело улыбнулась. – Вот была бы картинка!

– Жалко, что видео не было, чтобы заснять все на пленку.

– Ха-ха! – Дина всплеснула руками. – И показывать потом внукам, какими сумасшедшими были их дедка и бабка...

На женском лице выступило мимолетное огорчение. Жалко. А чего бы стоили кадры, если бы кто их видел, когда они как-то уединились в самоходке. В жизни никто бы в то не поверил. Но было же!

– Точно-точно, – Рэм покачал головой. – Интересно, как выглядит на пленке наш с тобою танец...

Давно крутила Катя головой, перестав замечать подле себя своего неотлучного спутника – свидетеля. Впрочем, и свидетельницы тоже не наблюдалось. Жених подхватил невесту, втянул ее в центр танцующих.

– Ты не знаешь, куда они пропадать? – спросила она у Григорьева.

– Нет, – Сашка пожал плечами. – Но догадываюсь.

– И?

– Снимают продолжение фильма про танец о влюбленных.

– Да?! – новобрачная удивленно моргнула.

Наверно, невеста представила себе съемки, глаза Кати расширились и на какое-то мгновение задумчиво застыли.

– Интересная мысль. Есть у них узнать, где эти съемки проходить.

– А как же? – жених погладил ее слегка выпирающий животик.

– Вчера, дорогой, это есть тебе не мешать, – по красиво очерченным губам Кати пробежала укоризненная усмешка. – Уметь вы, мужики, отговорка искать, когда есть у вас желания не быть.

– Да я! – запел Саша молодым петушком.

– Да ты, ты... – поддразнила его Катя. – Вон есть они быть. Есть к ним навстречу ходить и все узнать.

Как утопающий, Сашка ухватился за спасительную соломинку:

– А что подумают люди, если мы с тобой надолго исчезнем?

– А им на нас есть всем наплевать. Кроме себя, рюмки и сидящего напротив соседа или соседки, они есть ничего не замечать.

Катя оказалась права. Их исчезновения никто не заметил. И Пауль ничего происходящего вокруг него не замечал. Его взгляд безнадежно тонул и утонул в подернутых печальной поволокой глазах еще очень молодой женщины, но уже успевшей, как он смог заметить, так много пережить и прочувствовать. Взгляд его тонул, опускался все ниже на дно и, по всей видимости, выбираться на поверхность и не собирался.

Тонул, когда они сидели за столиком. Тонул, когда они танцевали. И снова утонул, когда Зоя неотрывно смотрела на Пауля, внимательно слушая то, что он рассказывал ей о себе.

И снова они танцевали. Она доверчиво склонила голову на его плечо, все думая о чем-то своем. И он чувствовал, как какая-то волна то отдаляла эту женщину от него, то вновь приближала к нему.

А Зоя с горечью думала о том, как все сложно и непросто в их мире устроено. Они стремятся, стремятся изо всех сил к одному, а когда вот оно в их руках, то оказывается, что все это одна пустая суета. А вот самое главное в жизни упущено. Где-то она его упустила.

Увлеклась одна баба внешними атрибутами кажущегося семейного благополучия. Все, все у нее, казалось, было. Муж-красавец, успешный руководящий работник. Прекрасная работа. И сама она стремительно продвигалась вверх по служебной лестнице. Но напрочь отсутствовала любовь, без которой, выходит-то, все это, собственно, и не к чему.

Не было детей. Вернее, сын-то у нее имелся. И в то же время его, будто бы и не было. Живет ее кровинка в чужой семье. Другая женщина слышит от него по вечерам: «Спокойной ночи, мамочка!». И, увы, не ей говорит он каждый день: «С добрым утром, мамочка!».

Поддалась она в свое время на горячие уговоры Сабурова, своего партийного босса. Послушно родила им ребенка, отдала свою родную кровинку в чужую семью...

Конечно, виделась она с мальчиком довольно часто, и называл он ее мамой Зоей. Но, увы, не она укладывала мальчика в постельку, и не она рассказывала ему на ночь сказку. Зоя иногда сама поражалась тому, как смогли ее уговорить пойти на то, чтобы взять и отдать собственного ребенка на воспитание другим людям.

Но она верила отцу мальчика, доверяла ему и согласилась с ним, что для их сына так будет лучше. Всем стало славно, но только не ей.

И опять она сама по кругу во всем виновата. Родила она еще одного, и боль постепенно стихла бы, пригладилась, мягко отодвинутая в сторону, заслоненная возможностью излить свою материнскую любовь кому-то другому. Но она по своей собственной глупости решилась избавиться от будущего ребенка, и за этим неотвратимо последовало наказание.

Вердикт врачей оказался суров: детей у нее больше не будет. Мужу Владике она ничего про аборт не сказала. А потом...

То, что их первенец, как он думал, якобы умер, Владик воспринял вполне мужественно. Но время шло, а детей все не было. И его горячие чувства к жене начали остывать, покрылись ржой обыденной рутины.

Как-то раз Соболев присутствовал на отчетно-выборном собрании на швейной фабрике. Рядышком с ним в президиуме сидела молодая девушка, плотно сбитая, с пухленькими щечками. Нельзя сказать, что писаная красавица, но что-то притягивающее мужиков в ней имелось. То и дело кидала она на него косые взгляды и густо-густо краснела.

Безо всякой мысли, из одного проснувшегося в нем не ко времени мальчишеского озорства, Владик, словно невзначай, мягко дотронулся под столом до ее теплой коленки. Соседка и не пошевелилась, и не предприняла ни единой попытки хоть как-то пресечь на месте все его поползновения. Чуток еще выждав, его пальцы властно скользнули под материю и почувствовали под собой гладкую шелковистую кожу.

Девушка замерла. А когда его рука двинулась еще дальше, комкая подол юбки, она прерывисто задышала. На девичьем лбу заискрились мелкие бисеринки жаркого пота. В голове у Владика мелькнула шальная и озорная мысль о том, что жена его в командировке и можно...

– Ты не отходи от меня, – шепнул он своей соседке, когда собрание, наконец-то, подошло к концу, и та согласно кивнула головой, глядя на него замороженными коровьими глазами.

Остановив авто за один квартал от дома, Владик сообщил девушке свой адрес и поехал вперед. Выждал мужик, пока она поднималась по лестнице, впустил ее и захлопнул дверь. Не давая девушке опомниться, еще с порога нашел ее губы и впился в них жадным и требовательным поцелуем. Бесстыдные руки настойчиво лезли под блузку, расправляясь с пуговками и с застежками, обнажали покатые плечи, опускали по ним тоненькие бретельки, открывали

взору большие шары по-девичьи тугих и упругих грудей. Руки нашли и чувственно сжали нежные комки.

Шаг за шагом гостя отступала дальше, вглубь комнаты. Коленки у девушки предательски подогнулись, когда узкие лодыжки неожиданно уперлись в преграду, а мужские руки все толкали ее назад.

Она еще пыталась стыдливо прикрываться руками, когда он жадно и без тени застенчивости разглядывал и ощупывал ее тело...

Выяснилось, что он у нее не первый. Но глупая девчонка толком ничего не умела. Может, простушка-толстушка многого и не знала.

Тот, кому она отдала свою девственность, так ничему ее не научил. Единственное, что смог Владик от нее добиться, это то, что она живо и довольно правильно раздвинула ноги. Мужчина усмехнулся и покачал головой. И тогда уже, не мудрствуя лукаво, он припал к ней и сполна насладился пахнущим юностью и свежестью телом...

– Как тебя зовут? – спросил он, вспомнив, что не знает ее имени.

– Глаша...

– Глаша-Глаша...

Чувствуя, как все его тело наполнено насыщением, он лениво водил указательным пальцем по большому, остро торчащему соску, балуясь и нажимая, как на кнопку звонка, утапливая его до отказа в мягкой плоти.

– Была ваша, стала наша. А ты знаешь, что я женат? – спросил он и прищурился, насмешливо ожидая ее ответа.

– Нет, – простодушно ответила девушка.

Она не лгала. Откуда же ей про семейное положение инструктора что-то было знать, если она-то увидела его в самый первый раз.

– Но вы не подумайте, – забеспокоилась Глаша. – Мне все равно.

– Почему? – Владик кинул на девушку быстрый взгляд.

Отчего-то ее самые обычные на вид слова сильно удивили его.

– Разве ты, Глаша, не хочешь выйти замуж? Я думаю, это вполне естественное желание любой нормальной девушки.

– Хочу, – негустые девичьи реснички согласно захлопнулись. – Но у нас, знаете, в нашем городе, девчонок больше, чем парней. Меня-то и на танцах редко кто приглашает.

– А кавалеров, Глаша, у тебя до меня много было? Я, Глаша, имею в виду... – он многозначительно показал на постель.

– Нет, – она мотнула головой. – Всего-то у меня один парень был. После окончания восьмого класса.

– Когда? – Владик недоверчиво посмотрел на нее.

Как ему показалось, что-то в ее рассказе никак не складывалось.

– Сосед по парте уговорил меня по случаю окончания школы. Мы иногда с ним до этого целовались.

– И только? – проснувшееся нездоровое любопытство толкало его на дальнейшие расспросы. – Расскажи мне...

– Ну, еще я разрешала ему потрогать меня. Везде. Мы частенько прятались от всех, и он расстегивал на мне кофточку...

Чуть-чуть Федька косоглазил. По жизни это ему никак не мешало. Но только все девчонки его чурались, сторонились, отпускали за его спиной порой довольно обидные шуточки. Ребята водились с ним, но и у них он порой становился объектом для веселых насмешек.

Особенно не по себе пареньку становилось, когда кто-то начинал рассказывать байки про свои похождения. Его бросало в жар и в пот.

Не больно-то красивая, но по всему своему виду давно созревшая для игр с мальчиками, соседка по парте была совсем не против того, чтобы пойти и прогуляться с ним где-нибудь за околицей.

Сначала они неумело целовались, долго, до одурения, пока губы вконец не распухали. А ему хотелось большего, и он решился, полез рукой под кофточку. Девчонка дернулась, но рот ее оказался занят.

– Ух ты! Они у тебя большие! – вырвалось у него восхищенное восклицание. – Будто током шарахает...

С невыразимым наслаждением и с жадным интересом Федька долго рассматривал ее, щупал руками. А она, томно закрыв глаза, замирала, вытягивалась и изгибалась, ощущая внутри себя нарастание чего-то еще никогда неизведанного, но необычайно волнующего и желанного.

Бал выпускников. Танцы. Красивые одноклассницы все нарасхват и кружатся то с одним, то с другим парнем. А к ней никто не подходит.

Ей обидно. Даже Федька и тот стесняется на виду у всех пригласить ее в круг. Прикусив губу, Глаша выскочила на улицу и, не глядя, пошла вперед, туда, где никого нет, где можно во весь голос разреветься.

Цепкая рука потянула ее за собой. Она очнулась. Федька. Парень следил за нею и выбежал вслед. От него пахло вином. Пацаны заранее запаслись дешевым пойлом и тайком к нему прикладывались.

– Куда ты меня тащишь? – сердито спросила она. – Трус! Хотя бы один разок в круг меня пригласил.

– Да ну их! – отмахнулся он рукой. – Ты хотела, чтобы в зале все над нами угорали? Гляньте-ка! Косой с Чумой танцуют!

– Ну и что! – девушка независимо передернула плечиком. – Пусть бы надсмехались. А мне хотелось потанцевать! Хотя бы один разок!

– Глаша, мы туточки... мы сейчас... мы станцуем, – Федька поднял в руке кассетный магнитофон «Весна», коих в их деревне имелось всего-то два аппарата, не более того. – Еле-еле у брата выцыганил...

Звуки, толпой вырвавшиеся из динамиков, заполнили знакомую им лужайку и разогнали лесную тишину. Группа «Мираж» усердствовала изо всех сил, и ей полегчало. Федька старательно топтался на месте, стремясь попасть в такт музыке. Его неумение ее сильно рассмешило, и она, не выдержав, прыснула, громко рассмеялась.

Сначала Федька не скумекал, а опосля принялся дурачиться вместе с нею. Снова они до одури целовались.

– Глаша, покажись мне вся, – неожиданно попросил Федька, глядя на нее посерьезневшими глазами.

– Сейчас... вот взяла одна дуреха и показалась! – съязвила она, а сама наперегонки расстегивала пуговицы на вороте платья.

Готова была чумовая деваха исполнить любую его просьбу.

– Ты красивая! – парень заворуженно смотрел на ее налитое тело. – Другие пацаны, они, блин, ничего не понимают. Людка слывет первой кралей на деревне. А у самой, блин, коряги, посмотреть не на что.

– А отколь ты знаешь? – ревниво спросила она. – Чай, подглядывал за ней из кустиков на речке? Может, вы за ней в бане следили, а?

У них, у деревенских сорванцов, это было самым обычным делом. Навострились пострелята подглядывать в подслеповатое окошко за тем, как бабы там моются, или выслеживать то место, где девчата обычно купались нагишом, прячась от всех нескромных взглядов.

– Не, Митька пацанам по секрету баял. Баял он, что титьки у нее мелкие, как две луковицы. Не за что ухватить. Ноги тощие, как палки.

– А отколь он про то знает?

Мальчишеское лицо расплылось в глуповатой улыбке:

– Так он с ней, чай, намедни переспал.

– Как это переспал?

– А на спор с Толяном! Дюже клево все у него с ней сладилось. Он говорит, что Людка не с одним им спала.

Тут Глаша вспомнила о том, как азартно шушукались в сторонке от нее, о чем-то томно рассказывали, чувственно вздыхали. Значит, у них это самое уже было. А она что, хуже других? Девушка прошептала:

– Федька, иди ко мне...

...Откинувшись на подушку и прикрыв глаза, Владик внимательно слушал ее сбивчивый рассказ.

– А больше, кроме него, никто не хотел со мной знаться, – наивная девушка, не задумываясь, выкладывала мужчине все подробности.

– Задурил тебе голову пацан. На него и самого никто, должно быть, не смотрел. Может, еще что-то тебе обещал? Жениться, к примеру...

– Да не. Мне самой же страх как хотелось это самое испробовать. Наскучило мне то, что пацаны обходят меня дальней околицей...

Владика захотелось громко рассмеяться. Как все до примитивности просто. А кругом все повсеместно твердят про неземную любовь.

– Ну и как оно? – посмотрел он на нее с прищуром.

– Да мне не понравилось. Мы больше с ним промучились.

Мысленно мужчина попытался представить это себе. И получилось. Особо помогло ему то, как вела себя девушка в его постели.

– А потом? – спросил Владик, дотрагиваясь пальцем до пугливого комочка сжавшейся плоти.

– А больше мне никто это самое не предлагал.

Мужские глаза недоверчиво раскрылись:

– В самом деле?

– Ей богу, я не вру.

– Ну, а сейчас тебе понравилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.